

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М.А. АБРАМОВА, М.Р. ЗАЗУЛИНА, В.Г. КОСТЮК

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ РОССИИ**

ПОДХОДЫ, ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

ЧАСТЬ I

Ответственный редактор
доктор социологических наук
Г.С. Солодова

НОВОСИБИРСК
Омега Принт
2017

УДК 316.4+316.7
ББК 63.5+60.55
С693

Авторский коллектив
М. А. Абрамова, М. Р. Зазулина, В. Г. Костюк

Утверждено к печати Ученым советом ИФПР СО РАН

Рецензенты:
доктор философских наук *В. С. Шмаков*
доктор философских наук *А. Ю. Сторожук*
кандидат философских наук *А. М. Аблажей*

С693 Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции: в 2 ч. / М. А. Абрамова, М. Р. Зазулина, В. Г. Костюк; под. ред. Г. С. Солодовой; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Омега Принт, 2017. Ч. I. – 150 с.

ISBN

В монографии анализируются базовые понятия «сообщество», «локальное сообщество» и «межэтническое сообщество», выявляются специфика трансформации современных сообществ, факторы их интеграции и дезинтеграции, проиллюстрированные конкретными примерами на материалах социологических исследований. Ретроспективный анализ развития государственного оформления национальной идеи отражает специфику трансформации идеи межэтнического взаимодействия в России.

Книга рассчитана на социологов, философов, культурологов, педагогов.

Издается в авторской редакции

ISBN

© ИФПР СО РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (В.Г. Костюк)	4
Глава 1. Сообщества как предмет социогуманитарных исследований (М. Р. Зазулина, М. А. Абрамова)	6
1.1. «Gemeinschaft» и «Gesellschaft»: базовая концептуализация Тенниса и ее современное значение (М. Р. Зазулина)...	8
1.2. Сообщество как набор признаков. Подход Дюркгейма (М. Р. Зазулина)	15
1.3. Сообщество сети или группы. Системный подход и интеракционизм (М. Р. Зазулина)	18
1.4. Межэтнические и мультикультурные сообщества и полиэтнические общества (М. А. Абрамова)	26
1.5. Сельские локальные сообщества и теории низового уровня (М. Р. Зазулина)	35
Глава 2. Факторы и показатели интеграции и дезинтеграции сообществ (М. А. Абрамова, М. Р. Зазулина, В. Г. Костюк,)	46
2.1. Факторы интеграции и дезинтеграции межэтнических сообществ (М. А. Абрамова, В. Г. Костюк)	46
2.2. Республика Хакасия как межэтническое сообщество (М. А. Абрамова)	52
2.3. Факторы интеграции и дезинтеграции сельских локальных сообществ (М. Р. Зазулина)	62
Глава 3. Динамика постсоветской социокультурной трансформации общества, межэтнических и локальных сообществ России (В. Г. Костюк)	73
Глава 4. Интернационализм, мультикультурализм и полиэтничное общество как воплощения «идеи» единства народов (М. А. Абрамова)	99
Заключение (В. Г. Костюк)	134
Общий список литературы	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

В монографии рассматривается сравнительно новая для социально-философской науки проблематика сообществ – в первую очередь межэтнических и локальных. Хотя термин «сообщество» в последнее время все чаще встречается в научных работах и публицистике, его сущность и содержание трактуется в весьма широких пределах, вплоть до взаимоисключающих. Так, например, современную Россию одни философы представляют как сообщество (В.В. Локосов), другие – как расколотое общество (А.С. Ахиезер). Политологи и правоведы пишут о международном сообществе, европейском сообществе и т.п., хотя и первые, и вторые ныне являются скорее расколотыми обществами, а не сообществами.

Одним словом, и в научном, и в социально-регулятивном плане актуальным является критический анализ существующих в зарубежной и отечественной литературе концепций сообщества и их соответствия реальным социальным процессам на микро- и макроуровнях социума.

Данная публикация представляет результаты решения задач, поставленных в рамках реализуемого исследовательским коллективом Отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН научного проекта «Социокультурная трансформация межэтнических и локальных сообществ в интеграционных процессах современной России: детерминанты и модели регулирования»:

1) обобщить концептуальные подходы к анализу сообществ в соотношении с обществами;

2) на основе теоретических и конкретно-социологических исследований динамики социокультурной трансформации межэтнических и локальных сообществ Сибири (в контексте общероссийской динамики) выявить основные тенденции и факторы, обуславливающие интеграцию и дезинтеграцию сообществ;

3) провести анализ философских, идеологических и политических основ концепций интернационализма и мультикультурализма, выявить меру их соответствия возможностям применения в социальной и национальной политике современной России.

Структура монографии соответствует поставленным задачам. Однако авторы осознают, что раскрытие столь серьезной проблемы не может быть в полной мере отражено в рамках одной публикации, и будут благодарны читателям за пожелания, критику, замечания и возможное участие в разработке проблем сообществ и их роли в интеграции российского общества.

Глава 1

СООБЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Несмотря на то, что понятие «сообщество», вероятно, существует так же долго, как и сам феномен сообщества, значение термина менялось от культуры к культуре. Для греков, по данным американского историка Дж. Деланти, сообщество (*koinonia*) было «местным», «частным» и ориентированным на предков. Римское понятие *communitas*, пожалуй, лучше всего совпадает с современными западными представлениями о сообществе, поскольку обозначает принадлежность к группе. Расцвет христианства привел к новому пониманию сообщества как чего-то более широкого, чем локальная территория, по сути как чего-то универсального и космополитического¹. Эта риторика оказалась достаточно мощной, чтобы мобилизовать религиозных лидеров и их последователей на прогрессивные изменения в обществе.

Лишь в XIX в. сообщество стало предметом научного исследования. Изначально проблема сообщества была актуализирована воздействием промышленной революции, резким ростом городов и городского населения, ставшей очевидной разницей между городом и деревней, предлагающими не только разные формы занятости, но разные образы жизни и разное место человека в системе социальных отношений. Следует признать, что характерной чертой данной проблематики была и остается ее выраженная ценностная установка: предлагаемый ею концептуальный и методологический аппарат обладал значительной образностью, а вводимые категории предполагали скорее не строго аналитическое, а этически окрашенное отношение исследователя.

Интерес к сообществу был связан с тем, что именно эта разнообразность коммунальных отношений оказалась связующим звеном между старым, традиционным, и новым, современным, миром, обеспечивающим возможность сохранения тесных, привычных со-

¹ Delanty G. Community / 1st ed. Routledge, 2003.

циальных связей в условиях стремительного развития новых форм социальных и экономических процессов, требующих все большей дифференциации, спецификации и разнородности. Пик популярности этого феномена и посвященных ему исследований пришелся на вторую половину XX века, т.е. на период, когда развитие рынка и связанной с ним либеральной системы ценностей происходило наиболее интенсивно и прочно закрепилось как господствующая стратегия общественного развития.

Наши представления о сообществе испытали на себе влияние изменяющихся систем ценностей, а также развивающихся технологий и массовых коммуникаций. В прошлом сообщества сплачивались и центрировались вокруг семьи и племенной группы (*Gemeinschaft*). Эти взаимодействия, как правило, были горизонтальными, личными, лицом к лицу. В современном мире сообщество может обозначать всего лишь группу людей с похожими интересами. Примерами выступают сообщества чтецов, бегунов, собирателей марок или коллекционеров бутылок. Большая часть контактов здесь – это взаимодействия с людьми вне основной группы, как правило, более вертикальные и формализованные, основанные на иерархии и власти (*Gesellschaft*).

Современная риторика вокруг понятия сообщества не является однородной и может затрагивать самые различные проблемы. В современном мире проблема сообщества рассматривается как минимум из четырех основных ракурсов. Некоторые люди рассматривают сообщество в контексте общинного развития, т.е. как исторически сложившуюся форму общинных, коммунальных отношений. Для других сообщество – это то, что основано на некотором типе идентичности и таким образом обеспечивает индивиду чувство принадлежности к группе. Третья позиция рассматривает сообщество как площадку для политических действий и методик общественного движения. Наконец, некоторые люди сосредоточены на взаимодействии между сообществом и новыми технологиями, изучая, какую роль играют, например, сотовые телефоны в соседских отношениях.

Сегодня сообщество является предметом исследования многих социальных наук. В зависимости от дисциплины меняются определение и фокус исследования сообществ. Социологи, как правило,

исследуют районы (соседские сообщества), небольшие городки или пространственно ограниченные населенные пункты. Антропологи, изучая сообщества, обращают внимание на культурные характеристики, тогда как политологи исследуют сообщества с точки зрения гражданства, самоуправления, гражданского общества и коллективной идентичности. Другие ученые предпочитают рассматривать всю философию и историю сообщества как идеологию или утопию. В настоящее время изучение проблем сообществ в рамках любой дисциплины требует, в первую очередь, широкого междисциплинарного подхода.

На протяжении многих лет было много определений сообщества и постепенно осуществлялся переход в понимании этого концепта: от сообщества как географически определенного места (локации) к сообществу как отношениям, к символическому сообществу, а затем – к распаду (исчезновению, потере) сообщества и его постмодернистскому пониманию.

Повсеместно наблюдаемое в последние десятилетия изменение и исчезновение сообществ как формы коммунальных отношений (изменение его характеристик, его локализации в социальном пространстве, снижение его значения как социального феномена) и появление новых форм социального взаимодействия является закономерным результатом победы рыночных отношений, либеральных ценностей и меняющегося под их влиянием общества. Но также очевидно, что наше видение сообщества и связанных с ним социальных процессов тесным образом связано с развитием стратегий его исследования. Вместе с тем наблюдается снижение его актуальности в качестве предмета исследования, что, в свою очередь, связано с усложнением и изменением картины мира, предлагаемой обществу современной социальной наукой. Все это делает необходимым анализ и оценку существующих подходов к исследованию общества.

1.1. «Gemeinschaft» и «Gesellschaft»:

базовая концептуализация Тенниса и ее современное значение

Первая концептуализация понятия «сообщество» применительно к изучению социальной реальности принадлежит немецко-

му социологу Ф. Теннису, который выделил два основных типа обществ, названные им «Gemeinschaft» и «Gesellschaft». Они репрезентируют соответственно коммунальные и ассоциативные отношения². В историческом контексте предложенная Теннисом дихотомия впервые артикулировала проблему город/деревня и должна была привлечь внимание к разнице между двумя предлагаемыми ими образами жизни.

Характеристике этих типов в современной научной литературе уделено более чем достаточное внимание³, поэтому мы отметим лишь основные черты и акцентируем внимание на тех моментах теории, которые представляют интерес для нашего исследования.

Теннисовское описание двух типов обществ являлось коннотативным, т.е. основанным на выделении связанных концептуальных контрастов. Его типологические конструкции базировались не на идентификации решающих, определяющих элементов сообществ, но, по-видимому, на наибольшем числе контрастирующих ассоциаций между коммунальными и ассоциативными отношениями. Основное отличие между двумя типами отношений (коммунальными и ассоциативными) заключается в том, что первые являются консуматорными, обусловленными, полностью неинструментальными по характеру, а вторые являются инструментом для достижения определенных целей (в этом смысле первые репрезентируют конец, а вторые – начало, выбор). Если взять только небольшую часть контрастов, развиваемых Ф. Теннисом, то дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft характеризуется такими оппозициями, как общие (общинные) образы жизни / разнородные образы жизни; общие верования / разнородные верования; естественная организация / искусственное социальное устройство, сконцентрированные связи и частые взаимодействия / рассеянные дисперсные связи и редкие взаимодействия; небольшое число людей / большое количество людей; дистанцирование от центров власти / близость к центрам власти; дружественные отношения / правила, преодолеваю-

² Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии.* СПб.: Владимир Даль, 2002. 386 с.

³ Добреньков В. И., Кравченко А. И. *История зарубежной социологии.* М.: Академический проект, 2005. 704 с.

щие недоверие; непрерывность / временные меры; эмоциональные связи / отрегулированное соревнование⁴.

Теннис явно рассматривал переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* в эволюционных терминах, утверждая, что *Gemeinschaft* представляет детство человечества, а *Gesellschaft* – его зрелость. При этом именно *Gemeinschaft*-отношения, несмотря на свой примитивизм, являются предпочитаемым типом отношений, выражающим подлинную, естественно организованную жизнь. В процессе разделения труда, роста индивидуализма и конкуренции они разрушаются, сменяясь *Gesellschaft*-отношениями, являющимися искусственным социальным устройством, основанным на конфликте эгоистических устремлений. Эта расстановка приоритетов коренным образом отличает Ф. Тенниса от большинства его современников, для которых легально-рациональные и обменные отношения являются не только доминирующими общественными отношениями, но и предпочитаемыми общественными отношениями.

Дихотомия Тенниса задавала направление всей европейской традиции изучения сообществ, для ее объяснения привлекались сходные пары различий: традиционное/целерациональное (М. Вебер), органическая/механическая солидарность (Э. Дюркгейм). Все эти типологии в различных терминах концептуализировали одну и ту же проблему соотношения традиционного и современного и определили дальнейшую направленность эмпирической и прикладной социологии на исследование перехода обществ от общинных отношений к отношениям современного общества.

Дихотомию Ф. Тенниса можно считать одной из самых символически сильных и значимых для социологической мысли. Идея смены господствующих социальных отношений является связующей между классической и современной социологией, а ее яркая образность, несомненно, является одной из причин обращения к ней современных мыслителей.

Первоначальная концептуализация в виде оппозиции *Gemeinschaft* / *Gesellschaft*, представляющей два типа социальных взаимодействий (два типа сообществ) и воспроизводящая проблему

⁴ Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии.*

соотношения традиционное/рациональное, предопределила всю проблематику этой формы коммунального взаимодействия, в том числе задав направленность всех современных исследований сообществ и основную систему понятий. Дело в том, что русский перевод пары понятий *Gemeinschaft / Gesellschaft* как «община/общество» является не совсем точным. *Gesellschaft* указывает скорее на изменение типа связей в первичной общине и приобретение ею новых черт, не связанное непосредственно с превращением в большое общество (*society*). Поэтому более точным переводом для теннисовской дихотомии будет коммунальные отношения/ассоциативные отношения (*community/association*). В то же время обращение к оппозиции *community/society* оправданно, когда речь идет о противопоставлении маленького сообщества большому глобализованному миру.

Развитие коннотативного подхода Ф. Тенниса осуществлялось на протяжении всего XX в. и достигло своего пика в 1970-х гг., когда термин «*community*» стал одним из самых популярных в американской социологии. В переводной литературе можно встретить ряд терминов, близких по смыслу: «первичные сообщества»; «общества» (Э. Шилз); «сообщности», понимаемые в качестве единицы социальной организации, как микрокосмы общества (Э. Рейсе); «местные общества» (Л. Пал).

Следование принципу коннотативности подразумевало понимание сообщества как типологического конструкта, включающего в себя целый ряд содержательных характеристик и во многом зависящего от контекста, в котором он существует. Для этого подхода характерна тенденция к ценностной окрашенности в отношении предмета исследования, подразумевающая не только излишнюю романтизацию, но и разоблачение сообществ, а также снижение аналитической строгости в определении состава и структуры основных признаков предмета исследования. Это привело к беспорядку в определяющих координатах сообщества и спорам по определению понятия⁵. Квинтэссенцией этих споров можно считать работу

⁵ *Calhoun C. Community: Toward a Variable Conceptualization for Comparative Research // Social History. 1980. № 5. Pp. 105–129.*

Г. Хиллэри, который уже в середине 50-х гг. собрал и описал 94 отдельных определения термина «сообщество»⁶.

Понимание сообщества как типологической конструкции было востребовано в социологических исследованиях типа *community studies*, а также в исследованиях выборочных отдельных сообществ (таких как читательские клубы, фанаты, приверженцы субкультур). Представители этих традиций изучали прежде всего содержательные особенности сообществ, склоняясь к идиографическому анализу и, по сути дела, к этнографическим исследованиям. Результатом таких исследований стали яркие описания жизни сообществ, однако в силу практически-прикладного характера для них нехарактерны ценные с научной точки зрения обобщения и интересные аналитические сравнения.

В традиции *community studies* под сообществами понимаются прежде всего локальные сообщества (сообщества места), т. е. фактически население конкретного небольшого населенного пункта. Давая общее определение этому направлению исследований, комментаторы относят к ним исследования, которые изучают взаимосвязи социальных институтов в конкретном населенном пункте⁷. Период расцвета этих исследований приходится на 1920-е – 1970-е гг.

В рамках традиции *community studies* было создано огромное количество портретов деревни, малых городов и пригородов⁸, однако основной (и достаточно значительный) эффект данных исследований заключается в популяризации темы сообществ. Именно *community studies* оказались в состоянии подчеркнуть теплые и взаимно ориентированные связи в сообществе и показать, как ритмы коллективной жизни и участия в общих действиях, укрепленные, усиленные коллективными символами, помогают создать

⁶ *Hillery G.* Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. 1955. № 20. Pp. 111–123.

⁷ *Bel C., Newby H.* *Community Studies*. London: Unwin, 1971.

⁸ *Lynd R., Lynd H.* *Middletown. A study in American culture*. New York: Harcourt Brace, 1929; *Lynd R., Lynd H.* *Middletown in Transition. A study in cultural conflicts*. New York: Harcourt Brace, 1937; *Warner W., Lunt P.* *The Social Life of a Modern Community*. Yankee City Series. Vol. I. New Haven: Yale University Press, 1941; *Gans H.* *The Urban Villagers*. New York: Free Press, 1962.

сильное чувство идентичности с местом в мелких локальных сообществах. Но еще более неожиданным, но нередким результатом community studies стал вывод о том, что изучаемые сообщества оказываются не очень то «сообщество-подобными»: им также свойственны интерес, власть и внутренняя стратификация как любому рынку, корпорации или муниципалитету; а связи среди членов таких сообществ не более интенсивны, чем их внешние связи⁹. С другой стороны, критики community studies отмечали, что социальные отношения всех видов отделяются от конкретных населенных пунктов, приобретая все более общенациональный или международный масштаб¹⁰.

В целом, несмотря на то, что и романтизация, и разоблачение идеи сообщества оказываются достаточно популярными жанрами community studies, тем не менее эти этнографические по сути исследования локальных сообществ чаще приходят к выводу о замкнутости и конфликте интересов, чем о братстве и тесных социальных связях. Сокращение community studies как отдельного типа исследований в последней четверти XX в. связано, прежде всего, с их значительной финансовой затратностью. В результате современные community studies либо являются политическим заказом, либо точно ориентированы на конкретные проблемы. С точки зрения значимых научных результатов, дескриптивность исследований делала невозможными какие-либо теоретические обобщения относительно социальной организации. Критики community studies отмечали, что социальные отношения всех видов отделяются от конкретных населенных пунктов, приобретая все более общенациональный или международный масштаб¹¹.

Еще одна традиция исследований, рассматривающая сообщество как типологический конструкт, развивалась в рамках политической социологии и была ориентирована на изучение не содержательных, а структурных особенностей сообществ. Политические

⁹ Hollingshead A. *Elmtown's Youth*. New York: Wiley, 1949; Coleman J. *The Adolescent Society*. New York: Free Press, 1961.

¹⁰ Bulmer M. *The Rejuvenation of Community Studies? Neighbors, Networks and Policy* // *Sociological Review*. 1985. № 33. Pp. 430–448.

¹¹ Там же.

социологи и политические историки показали, например, что социальные отношения, связанные с коллективным сельским хозяйством (коллективным фермерством)¹², а также автономное управление¹³ создают условия для сопротивления внешним политическим властям, а связи между сообществами и внешними поставщиками ресурса – важный фактор в экономической стабильности сообщества¹⁴. Но и подобные исследования не были ориентированы на выделение ключевых признаков сообществ или описание структуры этих признаков.

Таким образом, размышляя над изначальной дихотомией, предложенной Теннисом, надо признать, что *Gemeinschaft / Gesellschaft* не являются статичными социологическими формулировками, и часто один тип может перетекать в другой (например, после Второй мировой войны многие общины американского Юга пережили подобную трансформацию – от плантаторских сообществ *Gemeinschaft* к капиталистически ориентированным *Gesellschaft*-подобным городам Нового Юга). Когда одно идеальное состояние уже утрачено, а другое еще не достигнуто (и скорее всего недостижимо), элементы обоих присутствуют в современности, и лучший способ понять изменения, которые происходят с сообществами – думать о них как об изменяющихся от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*. Нельзя сказать, что мы еще в состоянии первого или уже в состоянии второго; мы в процессе транзита от одного к другому. В реальности имеет место постоянная игра, система сдержек и противовесов, а проблема заключается в нахождении «золотой середины», которая отвечала бы, с одной стороны, культурным стереотипам общества, а с другой – новым требованиям эпохи.

¹² Bloch M. *Feudal Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1961; Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, MA: Beacon Press, 1966.

¹³ Skocpol T. *States and Social Revolutions*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1979.

¹⁴ Logan J., Molotch H. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.

1.2. Сообщество как набор признаков. Подход Э. Дюркгейма

Альтернативный подход к исследованию сообществ был предложен Эмилем Дюркгеймом. Дюркгейм, основываясь на различии *Gemeinschaft / Gesellschaft* у Тенниса, предложил описывать различия между традиционным и современным обществом, используя понятия «механическая» и «органическая» солидарность. Механическая солидарность подразумевает значение обычаев и традиций, их господство над формальным правом, единообразие чувств и верований, деспотическое управление, а также репрессии, применяемые для поддержания общих взглядов; социальная интеграция поддерживается авторитарными методами. Органическая солидарность подразумевает разделение труда и социальную дифференциацию, терпимость друг к другу и отчужденность¹⁵.

Однако в своих исследованиях Э. Дюркгейм не остановился на изобретении образных, альтернативных дихотомий, а попытался извлечь из понятия сообщества более точные и узко определенные переменные. Концептуальный прорыв Э. Дюркгейма состоял в том, что сообщество рассматривалось не как социальная структура или физический объект (которые могли быть найдены только среди крестьян небольших деревень с их традиционными связями), а как ряд переменных свойств (качеств) человеческого взаимодействия, влияющих на поведение и сознание его членов. Эти качества не имеют физической, локальной привязки и могут быть найдены где угодно. Таким образом, различные типы сообществ (представляющие собой различные типы взаимодействия) оказались оторваны от локальной привязки, т.е., грубо говоря, от тезиса о том, что *Gemeinschaft*-отношения существуют только в деревне, а *Gesellschaft*-отношения – только в городе). Такой подход, однако, привел к тому, что понятие сообщества как некоей целостности оказалось выведено за рамки анализа (перестало быть предметом анализа), сообщество оказалось разновидностью социальной группы с определенным набором качеств.

Из предельно общего теннисовского понятия *Gemeinschaft*, представленного длинным списком коннотаций, Э. Дюркгейм вы-

делил шесть определяющих, базовых признаков, характерных для «gemeinschaft-подобных» отношений (эти качества можно рассматривать как родовые характеристики Gemeinschaft)¹⁵.

Четыре из них – структурные переменные, и два – культурные переменные. Структурные переменные следующие: 1) плотные и требовательные социальные связи, 2) социальная приложенность к институтам и включенность в них, 3) ритуальные случаи, и 4) небольшой размер групп. Культурные переменные следующие: 5) восприятие подобия с физическими характеристиками, стилем выражения, образом жизни, или историческим опытом других; и 6) общие верования в идею системы, моральный закон, институт, или группу. Поскольку эти свойства невозможно найти универсально во всех сообществах, то фокусирование внимания непосредственно на свойствах, а не на контекстах, в которых они более или менее часто находятся, имеет хороший аналитический смысл, позволяя интерпретировать изменение конкретных характеристик сообществ как переход от Gemeinschaft к Gesellschaft.

В дальнейшем именно идея шести свойств «gemeinschaft-подобных» отношений, выделенных Дюркгеймом в качестве переменных, была развита и использована многими социологами, включая Р. Мертона, Э. Гоффмана, Т. Хирши и др. Подход к сообществу как системе признаков, каждый из которых может быть представлен в большей или меньшей степени или не представлен вообще, позволяет отойти от дихотомии Gemeinschaft/Gesellschaft как основополагающей и ценностно определяющей (поскольку чистых типов в современности не существует) и говорить о разных структурных подтипах сообществ. Выделение подтипов представляет больший исследовательский интерес, чем родовое понятие сообщества, потому что подтипы, при прочих равных условиях, связаны с существенными изменениями в эмоциональном климате,

¹⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.

¹⁶ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.; Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. С. 9–68.

формах взаимодействия и организации сообществ. Отдельные признаки понимаются как скрытые структурные переменные, генерирующие основные отличия в организации и климате сообществ и влияющие на социальные отношения и социальное поведение (в том числе на властные отношения, отношения управления и политическое поведение). В разных типах сообществ значение этих переменных будет различным. Выделение структуры и иерархии признаков позволяет решить вопрос о том, какие из них являются родовыми, т.е. выражены в большей степени в *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*, а какие – видовыми, т.е. отмечают подтипы внутри них, но, что более важно, позволяют показать влияние особых форм социальной структуры на то, как живут люди. В качестве базовых признаков выделяют тип социальных связей (физическое или виртуальное взаимодействие), частоту взаимодействия и приоритет, которым наделяются взаимодействия среди участников, а также основные мотивации участников для взаимодействия. Признаками *Gemeinschaft*-подобных сообществ в этом случае являются связанность друг с другом: прежде всего, через общие события, связи аффекта и лояльности, личный интерес друг в друге, а признаками *Gesellschaft*-подобных сообществ являются формальная власть и рациональный интерес. При этом в других отношениях подтипы сообществ в каждой из категорий могут очень отличаться друг от друга.

Таким образом, в дюркгеймовской линии исследований сообщество предстает как единая система переменных с разными значениями для разных типов. Основная идея всех исследований заключается в том, что социальная структура, в которой мы живем, тип социальной организации, в который мы включены, влияют на то, кем мы являемся, и определяют наше мировосприятие. Несомненная ценность такого подхода заключается в том, что, предлагая единую систему критериев, он позволяет отказаться от романтизации идеи сообщества и оценить релевантность конкретных исследований. Важным мировоззренческим эффектом этой линии исследований можно считать сложившееся на ее основе представление о современных обществах как о принципиально находящихся в состоянии перехода от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, т.е. содержащих признаки обоих типов.

В то же время следование подходу, предложенному Дюркгеймом, предполагает рассмотрение сообществ по аналогии с социальными группами: акцент делается на границах и различиях одних групп от других. Сами сообщества по сути дела предстают как замкнутые сущности (аналог кантовской «вещи в себе» или, по выражению современных исследователей, «little black boxes»), определяемые через общность/различие признаков и четкие границы. Анализ чистых типов *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* и представление о «духе» сообществ в целом при таком подходе оказываются по определению невозможны и в какой-то степени неактуальны.

1.3. Сообщество сети или группы. Системный подход и интеракционизм

Наибольшей популярности исследования сообществ достигли к середине XX века. В 1955 г., делая обзор исследований, посвященных изучению сообществ, американец Дж. Хиллэри нашел девять различных определений сообщества¹⁷. Столь значительные количественные показатели не только подчеркнули значение сообщества как предмета исследования социальных наук, но выявили существенные расхождения в концептуализации и методологии исследования сообществ и тем самым дали толчок и к спорам вокруг методологии исследования сообществ, и к дальнейшему развитию всего направления исследований.

Проведя анализ всех определений сообщества, Дж. Хиллэри обнаружил, что более чем в 70 % случаев при определении понятия «сообщество» упоминаются география, общие интересы (или идентичности), и отношения между членами. Эти три составные части могут считаться основными при определении сообществ. Например, Л. Лион, рассмотрев выводы Дж. Хиллэри, предложил следующее определение сообщества: «люди, живущие в конкретной области, разделяющие общие связи и взаимодействующие друг с другом»¹⁸.

¹⁷ Hillery G. Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. 1955. № 20. Pp. 111–123.

¹⁸ Lyon L. *The Community in Urban Society*. Long Grove, Illinois: Waveland Press, Inc. 1999. P. 5.

Базовый характер выделенных элементов сообществ подтверждается и тем, что именно эти характеристики обозначили те точки в понимании сообществ, которые послужили основанием для формирования в дальнейшем принципиально различных концептуальных подходов к их исследованию. Возникшие дискуссии касались следующих вопросов: что такое сообщество? Является оно реальным, географически укорененным или виртуальным, воображаемым в соответствии с наличной системой ценностей, интересов и идентификаций? Является ли оно группой индивидов или сетью взаимодействий между ними?

Дж. Гусфилд в 1975 г. выделил два основных вида использования термина «сообщество». Первое – территориально-географическое понятие: сообщество – это локально укорененная общность, район, город, город. Второе – «касающееся отношений», связанное с «качеством характера человеческих отношений, без привязки к местности»¹⁹. Он отметил, что эти два вида не являются взаимоисключающими, хотя нельзя не согласиться с Дюркгеймом, который отмечал, что современное общество развивает сообщество вокруг интересов больше, чем вокруг населенного пункта²⁰.

В любом случае, даже если понимать сообщество как группу людей в определенной географической локации, это понятие может отсылать к чему-то общему для всех членов группы. И наоборот, независимо от того, является сообщество локальным (географически определенным) или же только виртуальным, оно в любом случае укоренено в каком-либо географическом контексте, существует в каком-то географически определенном пространстве.

Географическая отсылка в определении сообщества не подразумевает уточнения пространственной составляющей и ее масштабов, равно как и не соотносится с числом индивидов, составляющих сообщество. Локальное сообщество может базироваться на относительно небольшой местности (например, соседи по улице или жильцы многоквартирного дома) или включать местность по-

¹⁹ *Gusfield J. R. The community: A critical response. New York: Harper Colophon, 1975. P. 16.*

²⁰ *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.*

больше (жители отдельного района, сельские поселения). Кроме этого, более крупное географически локализованное сообщество может включать в себя более мелкие географически локализованные сообщества.

Современные концептуализации локального сообщества развиваются в рамках двух принципиально-различных методологических подходов – системного и интеракционистского.

Классический системный подход наследует теории Ф. Тенниса и рассматривает социальную организацию как естественное явление со структурами и функциями, выстроенными в соответствии с внутренне присущим ему порядком. Сообщество мыслится как образование со сложившейся ригидной структурой, определенным набором функций и фиксированными границами.

К наиболее заметным структурным характеристикам локальных сообществ относятся: 1) структура местной рабочей силы и демографический профиль (численность населения, плотность и неоднородность); 2) экономическая инфраструктура (включая транспортные средства, промышленную базу и смешение предприятий розничной торговли и сферы услуг); 3) физическое расположение (в том числе, является ли она рядом или в сельской-городской черте, в непосредственной близости к центрам экономической экспансии); 4) ее природные ресурсы; 5) политические отношения, которые структурируют распределение полномочий по принятию решений и представительство²¹. Р. Уоррен, американский социолог и один из основателей методологии *community studies*, выделял пять функций сообществ: 1) производство – распределение – потребление; 2) социализация; 3) социальный контроль; 4) социальное участие; 5) взаимопомощь²². Экономическая функция сообществ является ведущей в их интеграции и формировании локального «жизненного мира». Если экономическая функция «производства – распределения – потребления» обеспечивает материальное воспроизводство, то выполнение функций социали-

²¹ Flint C., Luloff A. E., Thejdori G. Extending the concept of community interaction to explore regional community fields // *Journal of Rural Social Sciences*. 2010. № 25(1). Pp. 22–36.

²² Warren R. L. *The Community in America*. Chicago, 1978.

зации, социального контроля, участия и взаимопомощи обеспечивает воспроизводство духовных, ценностных оснований сообщества, определяет относительную ограниченность локального сообщества рамками локальной культуры и включенность в рамки окружающего социокультурного ландшафта.

Альтернативный системному, интеракционистский подход сосредоточен на понимании роли взаимодействия в развитии сообществ²³. Этот подход основан на взгляде на социальную организацию (и в том числе на «сообщество») как «на возникающий динамический процесс с придуманными, а не внутренне присущими основам порядками и с непрерывными изменениями в результате взаимодействия более или менее независимых сил»²⁴.

Интеракционистская перспектива позволила сместить взгляд с индивидов и групп, являющихся акторами взаимодействия, на сами эти взаимодействия. Традиционные социологические определения, как правило, подчеркивали локальность, структурные компоненты и личные связи, которые укоренены в общей территории. Интеракционисты заявили, что сообщество – это гораздо больше, чем географическое положение. Это социально-психологическая общность, которая представляет собой место, его людей и отношения, которые в нем существуют²⁵. С этой точки зрения сообщество может рассматриваться как процесс взаимосвязанных действий, посредством которых различные слои местного общества выражают свои общие интересы и потребности. С точки зрения взаимодействия сообщество появляется из сознательного опыта своих

²³ Kaufman H. F. *Toward an Interactional Conception of Community* // *Social Forces*. 1959. № 38(1). Pp. 8–17; Luloff A. E., Bridger J. *Community Agency and Local Development* // *Challenges for Rural America in the Twenty-first Century* / Edited by D. Brown and L. Swanson. University Park: Pennsylvania State University Press. 2003. Pp. 203–213; Wilkinson K. P. *Phases and Roles in Community Action* // *Rural Sociology*. 1970. № 35(1) Pp. 54–68; Wilkinson K. P. *A Field Theory Perspective for Community Development Research* // *Rural Sociology*. 1972. № 37(1). Pp. 43–52.

²⁴ Wilkinson K. P. *The Community as a Social Field* // *Social Forces*. 1970. № 48 (3). Pp. 312.

²⁵ Luloff A. E., Bridger J. *Community Agency and Local Development*. Pp. 203–213.

членов и представляет собой не жесткую систему, а динамичное поле взаимодействий.

В рамках интеракционистского подхода сложились различные подходы к исследованию сообществ. Часть из них концептуализировали сообщество как социальные сети, другие рассматривали его как социальное поле.

Представители первого направления работали в рамках сетевого анализа и рассматривали сообщество как сети взаимодействий. Каноническим в этом плане является исследование Б. Веллмана, который в 1979–1980 гг., руководил большим исследованием структуры сообщества, в котором ключевую роль играла плотность сетей. Будучи сторонником сетевого подхода, Б. Веллман говорил: «Я определяю “сообщество” как сеть межличностных связей, обеспечивающую общение, поддержку, информацию, чувство принадлежности и социальную идентичность. Я не ограничиваю свое мышление о сообществе районами и деревнями ... Мы находим сообщество в сетях, а не в группах. Хотя люди часто смотрят на мир с точки зрения групп, они действуют в сетях. В сетевых обществах границы проницаемы, взаимодействия происходит с различными другими, соединения переключаются между несколькими сетями, и иерархии могут быть более плоскими и рекурсивными»²⁶.

Как и многие другие исследователи сообществ, Б. Веллман стремился понять, способна ли общинная солидарность, ассоциирующаяся с мелкими сельскими населенными пунктами, выдерживать модернизирующую силу индустриализации и урбанизации. С помощью сетевого анализа он хотел выяснить, привело ли развитие современного общества к исчезновению сообществ и возникновению городских аномий. Проведя исследование в одном из районов Торонто (Канада), Б. Веллман обнаружил, что наиболее плотные сети (т.е. наиболее частые взаимодействия), как правило, представляют собой сети, состоящие в основном из родственников. Однако люди в основном вовлечены в «редко связанные» сети низкой плотности; именно они составляли большинство взаимодействий.

²⁶ *Wellman B.* The community question: The intimate networks of East Yorkers // *American Journal of Sociology.* 1979. №5 (84). Pp. 1201–1231.

«Коммунальные» связи (связи сообщества) не были ни солидаристскими, ни локализованными. У людей были другие люди, на которые они могли положиться, но низкая плотность их личных сетей и отсутствие взаимных связей означали, что такая помощь была ограниченной. Сети в низкой плотности, тем не менее, были важными источниками помощи и поддержки как на повседневной основе, так и в чрезвычайных ситуациях, обеспечивая необходимую социальность²⁷.

Значительная часть интеракционистских подходов к развитию сообществ сосредоточена вокруг понятия «поле сообщества» (community field). «Поле сообщества» – это теория потенциала сообщества, придуманная американским ученым Кеннетом Уилкинсоном в качестве альтернативы системному подходу к сообществу и основанная на «теории взаимодействия» Гарольда Ф. Кауфмана²⁸. Использование термина «поле сообщества» направляет внимание на процессы, которые генерализуют и отражают общие интересы и проблемы местного населения и мест и посредством которых являются общие местные действия и идентичности.

Поле сообщества – это локально-ориентированное социальное поле, имеющее отношение к другим активным социальным полям в местном поселении, но отличающееся от них. Социальное поле можно определить, как разворачивающийся, свободно связанный, постоянно изменяющийся, доступный процесс социального взаимодействия, отображающий единство, обретенное в результате проведения времени вокруг идентифицируемого набора интересов²⁹. С точки зрения процесса, социальное поле характеризуется последовательностью действий, осуществляемых субъектами, обычно через различные ассоциации. С точки зрения взаимодейст-

²⁷ *Wellman B.* The community question: The intimate networks of East Yorkers.

²⁸ *Kaufman H. F.* Toward an Interactional Conception of Community // *Social Forces*. 1959. № 38(1). Pp. 8–17; *Wilkinson K. P.* A Field Theory Perspective for Community Development Research // *Rural Sociology*. 1972. № 37(1). Pp. 43–52.

²⁹ *Wilkinson K. P.* The Community as a Social Field // *Social Forces*. 1970. № 48 (3). Pp. 311–322.

вия сообщества действия относятся (отсылают) к проектам, акторам и ассоциациям.

В любом конкретном местном населении существует множество социальных полей, и каждое социальное поле, как правило, характеризуется в большей или меньшей степени своей собственной идентичностью, организацией, основными взаимосвязанными свойствами и набором конкретных и/или институциональных интересов. Одни социальные поля более локально ориентированы, чем другие. В реальности более локально-ориентированные социальные поля встречаются чаще, чем менее локально-ориентированные. Именно таким является социальное поле сообщества, но в отличие от большинства локальных социальных полей, которые занимаются специфическими интересами, поле сообщества преследует более широкие интересы всего сообщества. Поле сообщества, как правило, связано со структурой сообщества, а не с конкретными целями, такими как экономическое развитие, повышение качества услуг или охрана окружающей среды. Главная особенность, которая отличает поле сообщества от других полей, – это генерализация (обобщение) локально-ориентированных действий путем превращения их в интерес. Согласно Кауфману и Уилкинсону³⁰, процесс генерализации включает в себя несколько вложенных характеристик: 1) действия выражаются через интересы широкого круга акторов и ассоциаций; 2) они расположены в пределах населенного пункта и включают большую часть местного населения в качестве участников и/или бенефициаров; 3) они проводятся местными субъектами и ассоциациями; 4) они сосредоточены на усилиях по изменению или поддержанию населенного пункта и проводятся организованным, целенаправленным образом; и 5) координация между полями интересов является одной из основных целей. Когда эти характеристики объединяются, они способствуют появлению поля сообщества.

Динамичный характер концепции поля с его признанием текущей границы помогает сформулировать более реалистичную ин-

³⁰ *Wilkinson K. P. A Field Theory Perspective for Community Development Research // Rural Sociology. 1972. № 37(1). Pp. 43–52.*

терпретацию социальных пространств. Концептуализация сообществ как социальных полей, а не социальных систем, позволяет постоянно менять структуры и действия, убирать границы и быть более гибким в этих взаимодействиях.

Именно интеракционистские концептуализации сообществ способствовали пониманию причин, по которым сообщества все-таки выживают и сохраняются как устойчивая форма взаимоотношений, несмотря на постоянное расширение пространства повседневной жизни.

Подытоживая, можно сказать, что, несмотря на все многообразие концепций, основными элементами сообщества остаются территории, местное общество (сети связи), и поле сообщества (процесс выражения общих интересов местного общества).

Современные исследователи, пытаясь объединить два подхода, определяют сообщество как включающее следующие вещи³¹:

- локальность (населенный пункт), состоящую из людей, проживающих в географическом районе;
- ресурсы, необходимые этим людям для существования и прогресса;
- процессы, в которых люди участвуют, чтобы распределить и обменять такие ресурсы для удовлетворения местных желаний и потребностей.

Поскольку развитие транспорта и цифровых коммуникаций ведут к отделению времени и пространства от границ местного опыта, все больше внимания уделяется вопросу о том, является ли сообщество обязательно локальным, укорененным в каком-то месте. Американский исследователь Т. Брэдшоу отмечает, что локальные места не обязательно являются сообществами, и не все сообщества локализованы, т.е. укоренены в каком-то месте. Т. Брэдшоу предлагает термин «пост-местное сообщество» и определяет сообщество

³¹ *Matarrita-Cascante D., Brennan M. A. Conceptualizing community development in the twenty-first century // Community Development. 2012. № 43. Pp. 295.*

как основанное на сетях людей, объединенных солидарностью, идентичностью и нормами³².

Другие исследователи, работающие в этом же направлении, определяют сообщество как «форму социальной организации, в которой социальные взаимодействия, необходимые для воспроизводства повседневной жизни, происходят в пределах моральной близости»³³. Они утверждают, что в эпоху позднего модерна эти связи становятся все более нелокальными, а природа сообщества – все более изменчивой.

1.4. Межэтнические и мультикультурные сообщества, полиэтнические общества

Концепт «межэтническое сообщество» используется исследователями длительное время. Теоретическое содержание и смысл данного концепта впервые достаточно полно раскрыто В. В. Мархониным и И. В. Удаловой³⁴. Как методологический инструмент конкретных социологических исследований образа жизни и межэтнических отношений жителей Севера и России в целом, он использовался ими с середины 1990-х годов³⁵. Авторы исходят из предложенного немецким социологом Ф. Теннисом различения понятий «общность» и «общество»: общность (Gemeinschaft) – первична, общество (Gesellschaft) – генетически вторично. Общность репрезентирует коммунальные, общество – ассоциативные социальные связи и отношения. Общность основана на личных связях, общест-

³² Bradshaw T. The post-place community: Contributions to the debate about the definition of community // Community Development. 2008. № 39. Pp. 35–46.

³³ Goodsell T. L., Flaherty J., Brown R. B. Community as moral proximity: Theorizing community in a global economy // Rural America in a globalizing world: Problems and prospects for the 2010. Morgantown, WV: West Virginia University. 2014. Pp. 265.

³⁴ Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70–78.

³⁵ Мархинин В. В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2000. 262 с.; Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика взаимодействия культур. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

во – на обезличенных институциональных связях, поэтому отношения между людьми в общности характеризуются большей глубиной чувств и сердечности, а в обществе – большей рассудочностью и расчетливостью. Итоговая формула Ф. Тенниса: «общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт»³⁶. Хотя, как отмечают В. В. Мархинин и И. В. Удалова, различение Ф. Теннисом понятий общности и общества чрезмерно, оно отражает определенную диалектику соотношения коллективизма и индивидуализма в условиях буржуазного общества, представляющего превращенную и отчужденную форму общности³⁷.

Они отмечают, что в лингвистическом и социологическом плане «*сообщество*, в частности, – *межэтническое сообщество*, по крайней мере, как исторически прочная форма общности, есть специфически русский и российский феномен»³⁸. Используемое в европейских языках в аналогичном смысле понятие *community*, строго говоря, означает, по их мнению, не сообщество (как особый род общности, характеризующейся содружеством индивидов и групп, в том числе этносов), а общность как таковую³⁹.

Авторы акцентируют внимание на степени коммунальности, доходящей до содружества, как критерии сообщества, и в этом плане российское понятие «сообщество» и западно-европейское *community* отражают, как мы считаем, качественно одну и ту же реальность – более целостный, интегрированный тип общности, более устойчивую долгосрочную ее структуру⁴⁰. Этой же позиции придерживается и Е. А. Ерохина, отмечая, что «фундирующим свойством межэтнического сообщества как общности является персональная включенность, солидарность, определенная степень лич-

³⁶ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 12.

³⁷ Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 71.

³⁸ Там же. С. 75.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Зазулина М. Р. Сообщество как предмет исследования социальных наук: стратегия изучения, сравнения, проблемы // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 124–137.

ного доверия друг к другу его членов, тогда как сила общества – в опоре на анонимные безличные связи, способные оказывать принуждающее воздействие на индивида в зависимости от исполняемой им социальной роли, а также его компетентности в интерпретации ролевых стратегий других акторов. Иначе говоря, социальным «клеем» общности является личное доверие, тогда как в случае с обществом – социальный порядок как некий объективированный надындивидуальный принцип»⁴¹.

В данном контексте территориальный признак как обязательный атрибут сообщества, выделяемый Е. А. Ерохиной вслед за В. П. Алексеевым⁴², перестает доминировать, поскольку развитие глобальных сетей и применение интеракционистского подхода позволяет предположить реальность существования межэтнического сообщества, обладающего высокой степенью комплиментарности и доверия, акторы которого могут не являться жителями одного региона и даже могут не быть гражданами одной страны.

Используя социокультурный подход, акцентировавший внимание на концепте «культура», отчасти в контексте гегелевской интерпретации сближения категорий «дух народа» с концептом «культура»⁴³ В. Г. Костюк выделяет такие признаки межэтнического сообщества⁴⁴, как: существование «однотипной реакции народов цивилизации на внешнее воздействие; взаимовлияние и взаимопроникновение культур; межэтническая комплиментарность», свидетельствующие о высшей степени интегральности системы, что предполагает единство при сохранении этнического своеобразия ее элементов. Мы можем сделать вывод об исторически сложившемся в России межэтническом сообществе. Механизм формирования данной однотипной реакции становится понятен, когда мы обращаемся к источнику и понимаем, что Гегель употребляет в значении

⁴¹ Ерохина Е. А. Межэтнические сообщества: проблема атрибуции // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 90.

⁴² Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.

⁴³ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.

⁴⁴ Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С. и др. Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. С. 80.

культура слово *Bildung*, а не *Kultur*, т. е. дух народа, общность его реакций, представлений объясняется единством формирования.

Специфика межкультурного взаимодействия в обществе, обуславливающая в результате формирование мультикультурного общества или поликультурного общества, связана с существованием или отсутствием социокультурного ядра, позволяющего представителям различных этнических групп коммуницировать друг с другом. Так, понимание мультикультурности в странах Западной Европы акцентировано постколониальным наследием и стремлением к воплощению принципа демократии, что в результате привело к «открытости» общества, оказавшегося неготовым принять людей, не желающих интегрироваться. Фактически межкультурное взаимодействие в данной модели не обладает общностью социокультурного ядра и скорее представляет модель полиэтничного общества, где каждая этническая группа является в какой-то мере изолированной. Так, во Франции реализация политики «мультикультурализма» часто рассматривается как угроза раскола современных демократических обществ, основанных на желании граждан жить вместе, на множество этнических общин, жестко определенных, замкнутых внутри себя и отрицающих личную свободу и общечеловеческие ценности.

Отход от интеграции, как стратегии межэтнического взаимодействия, к сегрегации скорее характерен для поликультурного общества, признающего множественность культур, но не ставящего на первое место цель – стать целостным. Одним из свидетельств подмены понятий стало выступление в октябре 2010 г. канцлера ФРГ А. Меркель, заявившей на конференции христианско-демократической молодежи о полном крахе политики мультикультурализма: «Этот мультикультуралистский подход, согласно которому мы просто живем бок о бок, и все довольны, полностью провалился»⁴⁵. Аналогичную точку зрения на понимание термина «мультикультурализм» высказывает и Ронан Ле Коадик, который

⁴⁵ Мультикультурное общество, мультикультурализм. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/MULTIKULTURNOE_OBSHCHESTVO.html?page=0,2 (дата обращения 27.01.2015).

пишет, что «термин “мультикультурализм” плохо воспринимается во Франции»⁴⁶.

Фактически в процессе политических дебатов происходит подмена терминов «поликультурное общество» – множество этнокультурных групп («плохой мультикультурализм» – Э. Паин⁴⁷) и «мультикультурное сообщество» – множество этнокультурных групп, имеющих единое социокультурное ядро («хороший мультикультурализм» или «интернационализм» – Э. Паин⁴⁸).

Обращение к главному различию этих двух моделей зафиксировал в своем выступлении и экс-премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон: «Создание более сильного чувства принадлежности к нации или месту, где живешь, является ключом для достижения настоящей сплоченности, позволяющей людям сказать: “Я мусульманин, я индус, я христианин, но я лондонец тоже”»⁴⁹.

Однако понятийные разночтения терминов обуславливают не только изменения в самой концепции политики организации межэтнических взаимодействий в стране, но также влияют на иерархию идентификаций личности. На уровне государственной политики эти изменения приведут к доминированию определенной стратегии организации взаимодействия как этносов, так и индивидов. При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия государство в целом обеспечивает практику *сегрегации*. И напротив, когда государство придает значение сохранению разнообразия этнических культур и способствует интенсификации межэтнического взаимодействия, осуществляется политика *мультикультурализма*. Для обеспечения взаимодействия индивидов, этносов, различных социальных групп по данному типу необходима определенная мотивация. Ее форми-

⁴⁶ *Le Coadic R. Et Filippova Elena (dir.). Débats sur l'identité et le Multiculturalisme. M.: Institut d'ethnologie et d'anthropologie, Académie des sciences de Russie, 2005, Pp. 25–51. URL: [http:// hal.univ-brest.fr/docs/00/49/84/64/PDF/ Le_multiculturalisme.pdf](http://hal.univ-brest.fr/docs/00/49/84/64/PDF/Le_multiculturalisme.pdf) (дата обращения 16.04.2015).*

⁴⁷ *Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. URL: [http:// demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/kvoprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe](http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/kvoprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe) (дата обращения 02.07.2016).*

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Мультикультурное общество, мультикультурализм.

рует социокультурное ядро, объединяющее различные этнические и социальные группы в единое сообщество.

Дж. В. Берри, развивая высказанную в 1936 г. идею Рэдфила от том, что ассимиляция не является единственной стратегией аккультурации, провел различие между стратегиями ассимиляции и интеграции, а позже – между стратегиями сепарации и маргинализации как различными способами осуществления аккультурации (как групп, так и отдельных людей)⁵⁰. В основе его типологии лежали два критерия: ориентация на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и ориентация на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами)⁵¹.

Необходимо отметить, что при определении типа избираемой стратегии как недоминирующие группы, так и их отдельные представители обладают свободой выбора, т. е. при навязывании определенных типов аккультурации доминирующей группой необходимо использовать уже другую терминологию. Таким образом, стратегия интеграции может осуществляться в полной мере этнокультурной группой или индивидом только в мультикультурном сообществе, в котором утверждены определенные психологические посылки⁵², к которым относятся:

1) повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества;

2) положительные взаимные отношения между этнокультурными группами;

3) ощущение принадлежности к большому обществу и отождествления себя с ним у всех индивидов и групп;

⁵⁰ Карпов Г. А. Британский мультикультурализм: Мина замедленного действия? // Азия и Африка. 2012. №5. С. 26–32.

⁵¹ Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1995. № 3. Pp. 99–112.

⁵² См.: Tajfel H. (Ed) Differentiation between social groups. London, 1978; Brewer M. The social self: On being the same and different at the same time. Personality and Social Psychology: Bulletin. 1991. Pp. 475–482; Kalin R., Berry J. W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // Canadian Ethnic Studies. 1995. № 27. Pp. 1–15.

4) стремление сохранить культурное наследие;

5) относительно низкий уровень предрубеждений (минимальные этноцентризм, расизм, дискриминация).

В этой связи нельзя согласиться с утверждением С. Бенхабиб: «Отталкиваясь от сугубо социологизированного видения личности, радикальные мультикультуралисты вынуждены сталкиваться с тем неприятным фактом, что большинство индивидуальных образов сформировано множеством коллективных родственных свойств и нарративов одновременно. Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром»⁵³. Непринятие специфики культуры, в том числе и ее внутренней раздробленности, уже является нарушением условий для формирования мультикультурного восприятия мира, которому в первую очередь должны быть свойственны бережное и уважительное отношение к культурам всех народов, всех этнических групп, проживающих на нашей земле. Но понять причину появления данного суждения С. Бенхабиб возможно, если учесть, что это лишь оценка влияния того типа мультикультурализма, который имеет отношение к фрагментарному (Г. Терборн).

Появляется новый тип личности, который Е. Ю. Чемякин, анализируя «постколониальные исследования», называет *амбивалентная и мультикультурная личность*: «Герой многих пост-колониальных художественных произведений является ярким представителем “второго поколения” мигрантов, личностью нового типа, способной существовать одновременно в нескольких мирах, разговаривать на нескольких языках, воспринимать разные ценности. Новый герой в полной мере мультикультурен, т. е. обогащен несколькими традициями»⁵⁴.

⁵³ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 43.

⁵⁴ Чемякин Е. Ю. «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 16.

Так, например, мультикультурализм в Швеции, который можно отнести к интегративному (М. Вевьерка), официально был принят в 1975 г. в качестве основы для государственной политики регулирования межэтнических отношений и базировался на трех принципах:

- одинаковый уровень жизни для групп меньшинств и остального населения страны;

- свободный выбор между этнической идентичностью и шведской культурной идентичностью;

- партнерство, что в данном случае означает обеспечение таких взаимоотношений в профессиональной сфере, которые позволили бы каждому пользоваться преимуществами, которые предоставляет совместная работа⁵⁵.

Необходимо подчеркнуть, что в Швеции право на участие в общественной деятельности распространяется также на неграждан: существует специальный статус иностранца, имеющего право жить в стране, т. е. «полунаатурализация». Наконец, было найдено решение, позволяющее предоставить автономию народу саами, территория традиционного обитания которого разделена между несколькими странами: для этой цели Финляндией, Норвегией и Швецией совместно был создан Совет по делам саами.

Таким образом, появление проблем, возникших во многих государствах, образованных по принципу национальных, при обращении к политике мультикультурализма было спровоцировано выдвижением на первый план вопроса о поиске культурной идентичности, который стал обсуждаться достаточно активно после Второй мировой войны. Идея идентичности рассматривалась первоначально в рамках психологии индивидуальности, и к политике в принципе отношения не имела. Э. Х. Эриксон использовал ее в своих работах, посвященных проблеме личностного развития. Само понятие «идентичности» редко использовалось в чистом виде в классических концепциях национализма, хотя, как отмечает Г. Терборн, его релевантность в этом контексте очевидна.

⁵⁵ *Wieviorka M. La Différence. Paris, 2001. Pp. 87.*

Обращение к этничности в рамках этносоциологии не столько затрагивало проблему идентичности, сколько ставило вопрос о воспроизводстве и сохранении этнических границ. Как отмечает А. И. Куропятник: «Концепция этничности сместила на периферию научного поиска теории ассимиляции и аккультурации... позволила перенести фокус исследования в социальных науках с изучения внутренней структуры и истории группы на этнические границы и их сохранение, воспроизводство которых в высшей степени ситуационно и зависит от определенных исторических, экономических и политических условий»⁵⁶. Определенный вклад в это внесли труды норвежского антрополога Ф. Барта, который считал неизбежными процессы ассимиляции, или структурной интеграции, этнической группы в национальное общество⁵⁷.

Всего Европа и США пережили три волны увеличения интереса этнических групп к культурной самоидентификации, которые, как следствие, сопровождались выражением требований признания их культурных особенностей⁵⁸.

Первая волна – с конца 1950-х до конца 1970-х гг. – была связана с этническим возрождением (*ethnic revival*)⁵⁹, или подъемом этнонационализма, которую Э. Смит связывал с типом местной мобилизации, в результате чего был актуализирован дискурс деколонизации: Канада (Квебек), США, Западная Европа, некоторые страны Восточной Европы (Югославия, Румыния, Польша) и часть СССР.

Вторую «идентификационную волну» связывают с нефтяным кризисом в 1980-е годы, что послужило толчком к волнениям преимущественно иммигрантского населения, переселение которого было уже связано не с трудовой миграцией, а с выбором постоянного места жительства.

⁵⁶ Куропятник А. И. Проблема идентичности в мультикультуральных и полиэтничных обществах // Портал Сибирь и сибирская идентичность. URL: <http://sib.ident.narod.ru/text/kuropyatnik2.doc> (дата обращения: 07.06.2016).

⁵⁷ Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The Social organization of Culture Difference. Bergen, Oslo, 1969. Pp. 11.

⁵⁸ Ле Коадик Р. Мультикультурализм. URL: http://www.eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/02_Multiculturalizm.htm (дата обращения 07.07.2016).

⁵⁹ Smith A. D. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.

Усложнение этнической картины государств, а также необходимость пересмотра политики организации межэтнических отношений в принимающих странах послужили причиной формирования третьей «идентификационной волны» в 1990–2000-е гг. Как отмечает Ронан Ле Коадик, «ее суть состоит в утверждении существования, вопреки тенденции глобализации общества, нестираемых различий и требовании их публичного признания»⁶⁰.

Таким образом, в согласии с мыслью Ю. М. Лотмана о том, что «культура – это устройство, вырабатывающее информацию»⁶¹, становится необходимым исследование не столько генезиса термина «мультикультурализм», сколько условий, созданных социокультурной спецификой формирования самого феномена в рамках конкретной страны, подготавливающих людей к принятию или непринятию принципа мультикультурного сосуществования и, как следствие, к формированию мультикультурного сообщества.

1.5. Сельские локальные сообщества как специфический предмет исследования

Как было показано выше, локальные, т.е. географически укорененные, сообщества представляют собой одну из двух основных групп сообществ. Эта группа является достаточно неоднородной и включает в себя сельские поселения, малые города, городские районы, соседские и домовые общины и пр.

Сельские локальные сообщества, таким образом, представляют собой лишь одну из разновидностей локальных сообществ. В определенном смысле эта разновидность является канонической для понимания сущности всех локальных сообществ и значения локальности как таковой. Напомним, что Ф. Теннис представил свою дихотомию *Gemeinschaft* / *Gesellschaft* как раз для описания различий между сельскими и городскими сообществами.

Сельская и городская местность выступают в данном случае источниками сообществ: в одном случае – сельских, в другом – город-

⁶⁰ *Ле Коадик Р.* Мультикультурализм.

⁶¹ *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность / Под ред. В. П. Нерознака. М, 1997. С. 204.

ских. Сообщества в сельской местности сталкиваются со многими проблемами, включая реструктуризацию сельского хозяйства, депопуляцию, снижение качества местных услуг (например, здравоохранение, образование, бизнес.) Уникальность этих проблем, их несводимость к проблемам городских сообществ, позволяет оценить, насколько географический фактор, т.е. характер локальности (сельский или городской), определяет специфику развития сообщества.

В то же время специфика сельских сообществ определяется не только географически. Определение таких понятий как «сельский» или «сообщество» на протяжении десятилетий было обусловлено теорией и практикой развития социальных наук. Долгое время эти два понятия фактически выступали синонимами, и лишь в последние десятилетия релевантность понятия «сельский» была поставлена под сомнение и переосмыслена⁶².

Традиционно считалось, что большинство сообществ являются локально укорененными, а социальные взаимодействия ограничиваются прежде всего непосредственной местностью, в которой люди живут. Такое утверждение было верным в отношении традиционных сообществ и по умолчанию экстраполировалось на сельские сообщества, по определению считавшиеся традиционными. Например, обзор Хиллзери, посвященный исследованиям села (1955), показал практически полное соответствие между социальными связями и географической местностью.

Предположение о том, что люди все чаще действуют в нелокальных сообществах, что индивидуум больше не ограничивается границами «традиционного» сообщества, но может выбирать или стимулировать изменение социальных и экономических условий для того, чтобы выбирать из гораздо более широкого диапазона возможностей, было сделано прежде всего на материалах исследований в больших городах, где «диапазон» и «интенсивность» контактов изменяется быстрее, чем в сельской местности и развивается по нарастающей.

⁶² *Halfacree K.* Locality and social representation: space, discourse, and alternative definitions of rural // *Journal of Rural Studies*. 1993. № 9. Pp. 23–37; *Hoggart K.* Let's do away with rural // *Journal of Rural Studies*. 1990. № 6. Pp. 245–257.

Исследования пространственных и качественных измерений в сельских сообществах позволили ученым сделать вывод о том, что эти сообщества по существу состоят из людей с какой-то общей идентичностью или характером, которые расположены таким образом, что они могут взаимодействовать. Это взаимодействие может принимать различные формы (разговоры лицом к лицу, телефонные разговоры, электронная почта, интернет-чаты), и восприятие структуры сообщества его членами напрямую зависит от доступности различных форм взаимодействия⁶³.

Как отмечают Д. Рамси и др., община рассматривается многими как «совокупность людей, как правило, в районе, где жители имеют некоторые общие связи и/или взаимодействия»⁶⁴. Взаимодействие внутри общин основывается на важном наборе функций (например, производство и обмен) и структурах (например, институциональных и социальных), которые являются динамичными и взаимосвязанными.

По своему типу сельские сообщества принадлежат к так называемым сообществам «с ограниченной ответственностью», т. е. таким, из которых члены этих сообществ могут получить больше, чем инвестируют, особенно если вкладывают хоть что-то⁶⁵.

Современные исследования сельских сообществ, как правило, являются комплексными и междисциплинарными, и именно благодаря включению целого спектра научных дисциплин лишь на современном этапе становится возможным исследование различных характеристик сельских локальных сообществ – социальных, экономических, психологических, пространственных.

⁶³ *Leckie G.* Continuity and change in the farm community: Brooke Township, Ontario, 1965-86 // *The Canadian Geographer.* 1989. № 33. Pp. 32-46; *Kearns R., Joseph A.* Restructuring health and rural communities in New Zealand // *Progress in Human Geography.* 1995. № 32. Pp. 18-32; *Ramsey D., Smit B.* Impacts of changes in the flue-cured tobacco sector on farmers in Ontario, Canada // *Applied Geography.* 2001. № 21. Pp. 347-368.

⁶⁴ *Ramsey D., Annis B., Everitt J.* Definitions and boundaries of community: the case of rural health focus group analysis in southwestern Manitoba // *Prairie Perspectives: Geographical Essays.* 2002. № 5. Pp. 187-201.

⁶⁵ *Janowitz M.* *The Community Press in an Urban Setting.* Glencoe: Free Press. 1952.

Одними из наиболее интересных и значимых являются исследования, проводимые в рамках социальной географии. Эти исследования сконцентрированы на изучении закономерностей сочетания географического и социального пространства в рамках конкретных локальных сообществ.

В частности, исследования показали, что так называемое деятельностное (т. е. связанное с какой-либо социальной, экономической и прочей активностью) и перцептуальное (связанное с восприятием пространства и сообщества как своих) восприятие сообществ часто не совпадает с официальным административным выделением сельских районов и населенных пунктов. Восприятие границ своего сообщества является, с одной стороны, следствием социально-экономических возможностей сообщества (диапазона и интенсивности социально-экономических взаимодействий), а с другой, связано с численностью и плотностью населения. По мере сокращения численности сельского населения и размера сообществ деятельностные и перцептуальные границы сообществ расширяются. Т. е., по мере сокращения численности населения, отдельным лицам, семьям, фермерам необходимо ехать дальше, чтобы получить услуги и наладить социальные и экономические связи⁶⁶. Практическая значимость таких исследований связана с возможностью прогнозирования изменения поведения сельских локальных сообществ в результате депопуляции населения, реструктуризации сельской экономики и социальных служб.

Значительная часть исследований фокусируется на особенностях социально-экономического развития сельских локальных сообществ и в качестве отправной точки здесь рассматриваются ресурсы, доступные сообществу⁶⁷. В зависимости от исследовательского подхода ресурсы концептуализируются либо как формы

⁶⁶ Ramsey D., Annis B., Everitt J. Definitions and boundaries of community: the case of rural health focus group analysis in southwestern Manitoba // *Prairie Perspectives: Geographical Essays*. 2002. № 5. Pp. 187–201.

⁶⁷ Flora C. B., Flora J. L., Gasteyer S. P. *Rural communities: Legacy + change* (5th ed.). Boulder, CO: Westview Press. WV: West Virginia University, 2016; Matarrita-Cascante D., Brennan M. A. Conceptualizing community development in the twenty-first century // *Community Development*. 2012. № 43. Pp. 293–305.

капитала, либо как активы. Наиболее популярными являются теория стратегий жизнеобеспечения и теория капитала сообщества. Хотя каждая из этих традиций представляет собой отдельное направление исследований, во многом они пересекаются, и есть ученые, работающие в обеих традициях.

Традиция исследования стратегий жизнеобеспечения, представленная в основном европейскими исследователями, фокусируется на материальных и эмпирических ресурсах и путях, которыми люди (и особенно домохозяйства) получают к ним доступ в своей повседневной жизни и используются ими. Ресурсы или активы сами по себе не являются синонимами капитала. Ресурсы могут стать капиталом, если/когда они будут инвестированы в создание новых ресурсов. Ключевое значение в этой традиции имеет неравенство, определяющее те стратегии, к которым могут получить доступ некоторые группы, в то время как для других эти стратегии заблокированы, что приводит к депривации групп и их все большей уязвимости. Стратегии формируются на различных уровнях общества, включая глобальные процессы реструктуризации экономики. Эти изменения могут привести к дальнейшему потрясению системы жизнеобеспечения людей⁶⁸.

Европейские исследователи Л. де Хаан и А. Зуммерс отмечают, что в сельских локальных сообществах наряду с «эрозией общинной солидарности» появляются многоуровневые стратегии жизнеобеспечения и сети. «Резкая урбанизация и совершенствование коммуникационных и транспортных технологий привели к значительному увеличению мобильности. В настоящее время все большее число людей занимается и городской, и сельской жизнью, ежедневно курсируя между селом и городом. Кроме того, бедные люди повышают свой доход, путешествуя на большие расстояния, чтобы заработать дополнительные деньги в качестве временных

⁶⁸ *Bebbington A. Capitals and capabilities: A framework for analyzing peasant viability, rural livelihoods, and poverty // World Development, 1999. № 27. Pp. 2021–2024; De Haan L., Zoomers A. Exploring the frontier of livelihoods research // Development and Change, 2005. № 36. Pp. 27–47.*

мигрантов. Наконец, существует значительная группа транснациональных мигрантов»⁶⁹.

Традиция исследования капитала сообществ представлена в основном американскими исследователями⁷⁰. Теория капитала сообществ расширяет подход, предлагаемый теорией стратегий жизнеобеспечения, путем включения всеобъемлющего перечня капиталов (например, человеческого, социального, культурного, политического, природного, финансового, строительного) и анализа их на более широком уровне сообщества. Именно сочетание различных форм капитала и их уровней позволяют дифференцировать сообщества друг от друга.

Все отмеченные тенденции представляют особый интерес при планировании и оценке инициатив в области развития сельских локальных сообществ.

Список литературы

- Алексеев В. П.* Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
- Добреньков В. И., Кравченко А. И.* История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005. 704 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

⁶⁹ *De Haan L., Zoomers A.* Development geography at the crossroads of livelihood and globalization // *Journal of Economic and Social Geography*. 2003. № 94. Pp. 358.

⁷⁰ *De Haan L., Zoomers A.* Exploring the frontier of livelihoods research // *Development and Change*. 2005. № 36. Pp. 27–47; *Gutierrez-Montes I., Emery M., Fernandez-Baca E.* The sustainable livelihoods approach and the community capitals framework: The importance of systems-level approaches to community change efforts // *Community Development*. 2009. № 40. Pp. 106–113.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. С. 9–68.

Ерохина Е. А. Межэтнические сообщества: проблема атрибуции // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 86–96.

Зазулина М. Р. Сообщество как предмет исследования социальных наук: стратегия изучения, сравнения, проблемы // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 124–137.

Карпов Г. А. Британский мультикультурализм: Мина замедленного действия? // Азия и Африка. 2012. №5. С.26–32.

Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С. и др. Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. 262 с.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 202–205.

Мархинин В. В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2000. 262 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып 1. С. 70–78.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика взаимодействия культур. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

Мультикультурное общество, мультикультурализм. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/MULTIKULTURNOE_OBSHCHESTVO.html?page=0,2 (дата обращения 27.01.2015).

Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. URL: <http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/kvoprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe> (дата обращения 02.07.2016).

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 386 с.

Чемякин Е. Ю. «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

Barth F. Introduction // *Ethnic groups and boundaries. The Social Organizations of Culture Difference* / Reprint. 1982. Bergen, Oslo, 1969. Pp. 9–38.

Bebbington A. Capitals and capabilities: A framework for analyzing peasant viability, rural livelihoods, and poverty // *World Development*, 1999. № 27. Pp. 2021–2024.

Bel C., Newby H. *Community Studies*. London: Unwin, 1971.

Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // *International Journal of Intercultural Relations*. 1995. № 3. Pp. 99–112.

Bloch M. *Feudal Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1961.

Bradshaw T. The post-place community: Contributions to the debate about the definition of community // *Community Development*. 2008. № 39. Pp. 35–46.

Brewer M. The social self: On being the same and different at the same time. *Personality and Social Psychology: Bulletin*. 1991. Pp. 475–482.

Bulmer M. The Rejuvenation of Community Studies? Neighbors, Networks and Policy // *Sociological Review*. 1985. № 33. Pp. 430–448.

Calhoun C. Community: Toward a Variable Conceptualization for Comparative Research // *Social History*. 1980. № 5. Pp. 105–129.

Coleman J. *The Adolescent Society*. New York: Free Press, 1961.

De Haan L., Zoomers A. Development geography at the crossroads of livelihood and globalization // *Journal of Economic and Social Geography*. 2003. № 94. Pp. 358.

De Haan L., Zoomers A. Exploring the frontier of livelihoods research // *Development and Change*. 2005. № 36. Pp. 27–47.

Delanty G. *Community* / 1st ed. Routledge, 2003.

Flint C., Luloff A. E., Thejdori G. Extending the concept of community interaction to explore regional community fields // *Journal of Rural Social Sciences*. 2010. № 25(1). Pp. 22–36.

Flora C. B., Flora J. L., Gasteyer S. P. *Rural communities: Legacy + change* (5th ed.). Boulder, CO: Westview Press. WV: West Virginia University, 2016.

Gans H. *The Urban Villagers*. New York: Free Press, 1962.

Goodsell T. L., Flaherty J., Brown R. B. Community as moral proximity: Theorizing community in a global economy // Rural America in a globalizing world: Problems and prospects for the 2010. Morgantown, WV: West Virginia University. 2014.

Gusfield J. R. The community: A critical response. New York: Harper Colophon, 1975.

Gutierrez-Montes I., Emery M., Fernandez-Baca E. The sustainable livelihoods approach and the community capitals framework: The importance of systems-level approaches to community change efforts // Community Development. 2009. № 40. Pp. 106–113.

Halfacree K. Locality and social representation: space, discourse, and alternative definitions of rural // Journal of Rural Studies. 1993. № 9. Pp. 23–37.

Hillery G. Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. 1955. № 20. Pp. 111–123.

Hoggart K. Let's do away with rural // Journal of Rural Studies. 1990. № 6. Pp. 245–257

Hollingshead A. Elmtown's Youth. New York: Wiley, 1949.

Janowitz M. The Community Press in an Urban Setting. Glencoe: Free Press. 1952.

Kalin R., Berry J. W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // Canadian Ethnic Studies. 1995. № 27. Pp. 1–15.

Kaufman H. F. Toward an Interactional Conception of Community // Social Forces. 1959. № 38(1). Pp. 8–17.

Kearns R., Joseph A. Restructuring health and rural communities in New Zealand // Progress in Human Geography. 1995. № 32. Pp. 18–32.

Le Coadic R. Et Filippova Elena (dir.). Débats sur l'identité et le Multiculturalisme. M.: Institut d'ethnologie et d'anthropologie, Académie des sciences de Russie, 2005, Pp. 25–51. URL: [http:// hal.univ-brest.fr/docs/00/49/84/64/PDF/Le_multiculturalisme.pdf](http://hal.univ-brest.fr/docs/00/49/84/64/PDF/Le_multiculturalisme.pdf) (дата обращения 16.04.2015).

Leckie G. Continuity and change in the farm community: Brooke Township, Ontario, 1965-86 // The Canadian Geographer. 1989. № 33. Pp. 32–46.

Logan J., Molotch H. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.

Luloff A. E., Bridger J. Community Agency and Local Development // Challenges for Rural America in the Twenty-first Century / Edited by D. Brown and L. Swanson. University Park: Pennsylvania State University Press. 2003. Pp. 203–213.

Lynd R., Lynd H. Middletown in Transition. A study in cultural conflicts. New York: Harcourt Brace, 1937.

Lynd R., Lynd H. Middletown. A study in American culture. New York: Harcourt Brace, 1929.

Lyon L. The Community in Urban Society. Long Grove, Illinois: Waveland Press, Inc. 1999.

Matarrita-Cascante D., Brennan M.A. Conceptualizing community development in the twenty-first century // Community Development. 2012. № 43. Pp. 293–305.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, MA: Beacon Press, 1966.

Ramsey D., Annis B., Everitt J. Definitions and boundaries of community: the case of rural health focus group analysis in southwestern Manitoba // Prairie Perspectives: Geographical Essays. 2002. № 5. Pp. 187–201.

Ramsey D., Smit B. Impacts of changes in the flue-cured tobacco sector on farmers in Ontario, Canada // Applied Geography. 2001. № 21. Pp. 347–368.

Skocpol T. States and Social Revolutions. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1979. 448 p.

Smith A. D. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.

Tajfel H. (Ed) Differentiation between social groups. London, 1978.

Warner W., Lunt P. The Social Life of a Modern Community. Yankee City Series. Vol. I. New Haven: Yale University Press, 1941.

Warren R. L. The Community in America. Chicago, 1978.

Wellman B. The community question: The intimate networks of East Yorkers // American Journal of Sociology. 1979. №5 (84). Pp. 1201–1231.

Wiewiorka M. La Différence. Paris, 2001. 200 p.

Wilkinson K. P. The Community as a Social Field // Social Forces. 1970. № 48 (3).

Wilkinson K. P. A Field Theory Perspective for Community Development Research // *Rural Sociology*. 1972. № 37(1). Pp. 43–52.

Wilkinson K. P. The Community as a Social Field // *Social Forces*. 1970. № 48 (3). Pp. 311–322.

Wilkinson K. P. Phases and Roles in Community Action // *Rural Sociology*. 1970. № 35(1) Pp. 54–68.

ФАКТОРЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СООБЩЕСТВ

2.1. Факторы интеграции и дезинтеграции межэтнических сообществ

Интеграция и дифференциация – диалектически взаимосвязанные стороны социальных взаимодействий и социальных процессов. Интеграция означает включение в систему социальных связей, объединение, согласование, формирование определенной целостности социального объекта. В этом плане общность – более интегрированный феномен, чем общество вообще, а сообщество – чем общность. Интеграция не исключает внутренние противоречия в общности или сообществе. Различают интеграции естественные и принудительные, положительные и отрицательные. «Естественная интеграция основывается на совпадении целей, интересов, ценностей, убеждений индивидов и групп, а также на функциональной взаимозависимости частей социальной системы. В основе принудительной интеграции лежит единообразие, достигнутое путем насильственного подавления и подчинения общим интересам. Положительная интеграция представляет собой явление взаимной поддержки и содействия друг другу единиц социальной системы и рассматривается в перспективе “функционирования” этой системы как целого. В условиях отрицательной интеграции в лучшем случае враждебные отношения в обществе упреждены, но отсутствует активное сотрудничество, консенсус. В худшем – возникают взаимные помехи и противоборства, из-за которых интеграция системы нарушается»¹.

В российской социологии сложилось понимание межэтнических сообществ как продукта положительной интеграции, хотя и не лишенной определенных противоречий и проблем. Поэтому с позиции обеспечения устойчивости как российского общества в це-

¹ Зубок Ю. А. Интеграция социальная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 374–375.

лом, так и его регионов, в которых локализованы те или иные межэтнические сообщества, наибольший интерес представляет изучение факторов их внутренней интеграции и интеграции в российское общество в целом. Противоположные по результатам своего воздействия факторы можно в определенном смысле оценивать как дезинтегрирующие. Следует также учитывать, что процесс становления, функционирования и развития межэтнических сообществ носит межгрупповой характер, хотя базируется также и на индивидуальных межэтнических отношениях.

Осуществляемые исследователями выделение, группировка и иерархизация факторов интеграции обусловлены как объективными условиями в обществе или сообществе, так и целями исследования. Полагая, что интеграционные процессы в российском обществе находятся в положительной корреляции с аналогичными процессами в межэтнических сообществах, обратимся в первую очередь к тому, какие основные факторы интеграции выделяются в федеральных и региональных нормативно-правовых документах. В них используются понятия «единение», «единство», «общность», «укрепление единства», «гармонизация», отражающие те или стороны положительной интеграции.

Так, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается: *«Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации»*² (выделено нами).

² Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации: п. 12 // Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 11.10.2016)

Подчеркивается: «Российское государство создавалось как *единение народов, систематизирующим ядром* которого исторически выступил *русский народ*. Благодаря объединяющей роли русского народа ... сформировались *уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов*»³ (выделено нами).

Судя по сформированным в «Стратегии» *целям* государственной национальной политики России, указанные выше факторы также обозначены как важнейшие: 1) укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности; 2) сохранение и развития этнокультурного многообразия народов; 3) гармонизация межнациональных и межэтнических отношений; 4) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

С другой стороны, в «Стратегии» отмечается, что на развитие этих отношений «также влияют следующие *негативные факторы* (выделено нами): а) высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации; б) размывание традиционных нравственных ценностей народов РФ; в) правовой нигилизм и высокий уровень преступности, коррумпированность отдельных представителей власти»⁴ и ряд других, включая субъективные факторы – негативные стереотипы в отношении некоторых народов; недостатки в воспитании культуры межнационального общения и т. д.

Обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизация межнациональных отношений отнесены ко второму (из 5) приоритетных направлений национальной политики, вслед за совершенствованием государственного управления в этой сфере. К сожалению, в числе задач, конкретизирующих данное направление, обозначены лишь управленческие и ограничительные меры, а не содержательно-позитивные. Так, упор сделан на противодействие

³ Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации: п. 12.

⁴ Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации: п. 15 // Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 11.10.2016)

экстремизму и национализму, пресечение и предупреждение конфликтов на национальной почве и т.п.

Дальнейшее развитие и конкретизацию вопросы межэтнической интеграции получили в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». В ней, в частности, отмечено, что «этнический и религиозный факторы являются для многонациональной и поликонфессиональной России факторами национальной безопасности, что зафиксировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2000 года ... Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России ... являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны»⁵. Программой предусмотрены задачи по сохранению и развитию языков народов России, изучению родного языка как основы этнической самоидентификации. Подчеркнуто, что в «постсоветской России проявились кризис гражданской идентичности, межэтническая нетерпимость, сепаратизм и терроризм, в результате которых возникла опасность дезинтеграции общества»⁶. К числу негативных факторов, провоцирующих дезинтеграцию, наряду с размыванием традиционных ценностей народов России, социального неравенства, отнесены также попытки политизации этнического и религиозного фактора. Положения и задачи по гармонизации межнациональных отношений, укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию, сформулированные в «Стратегии» и «Программе», конкретизировались в аналогичных региональных концепциях и программах в соответствии со спецификой этносоциальной ситуации в регионе. Так, в «Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия)», реализация которой рассчитана на 2013–2025 гг., первый этап (2013–2016 гг.) включает в себя реализацию мероприятий государственной программы «Гармонизация межэтнических отноше-

⁵ Характеристика проблемы, на решение которой направлена Программа // Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499040473> (дата обращения 11.10.2016).

⁶ Там же.

ний в Республике Саха (Якутия)», предусматривающих: 1) в политической сфере: «развитие и укрепление Республики Саха (Якутия) как субъекта Российской Федерации, в равной мере отстаивающего права и интересы представителей всех этнических общностей, составляющих *единый многонациональный народ Якутии*»⁷ (выделено нами), под которым, можно полагать, подразумевается республиканское межэтническое сообщество; 2) в экономической сфере важным фактором интеграции определяется «разработка программ развития Республики Саха (Якутия) на основе учета интересов, традиционных форм хозяйствования и опыта трудовой деятельности всех народов республики»⁸, в том числе народов Севера.

Как заметный фактор потенциальной межэтнической дезинтеграции в указанной программе отмечается негативное влияние неуправляемых миграционных процессов. Такие процессы находят отражение и в федеральных, и в региональных концепциях, стратегиях, программах национальной политики. Однако их социальные последствия для принимающих сообществ изучены пока слабо.

Хотя, как видно из рассмотренных выше нормативно-правовых документов по национальной политике, в них не фигурирует в явном виде концепт «межэтническое сообщество», но акцент на ценности его единства сделан. В социологической литературе данный термин получает все большее распространение как необходимый теоретико-методический инструмент этносоциальных исследований.

Так, В. В. Мархинин и И. В. Удалова, изучая взаимодействие этнических культур и развитие местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, путем экспертных и массовых опросов населения выделили факторы, определяющие становление в регионе межэтнического сообщества, в основном на базе русского населения и населения народностей Севера (ханты, манси). Наиболее значимыми факторами стали: объединяющая этносы и культуры роль русского этноса и русской культуры; мир-

⁷ Президент Республики Саха (Якутия). Указ от 29 мая 2013 года № 2084 «О Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/473503180> (дата обращения 21.10.2016).

⁸ Там же.

ный и дружелюбный характер межэтнических взаимодействий на протяжении всей их длительной истории; комплиментарность православия и местных религий в межэтнических отношениях; взаимосвязь индустриальных и традиционных отраслей хозяйствования и ряд других⁹. Ю. В. Попков применяет концепт «сообщество» в исследовании взаимосвязи этнокультурного разнообразия на региональном и муниципальном уровне и национального единства страны¹⁰. Р. Р. Хайдаров отмечает, что в Республике Татарстан общие культурные черты и общую региональную идентичность имеет все население республики (сообщество), интегрированное в российскую гражданскую общность, и при удовлетворительном социальном и этническом самочувствии меньше уровень выраженной этнической идентичности¹¹.

Используя концепт «межэтническое сообщество», Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова и О. А. Персидская, анализируя зоны напряжения межэтнических отношений в Республике Алтай на основе экспертных и массового опроса населения, выделяют такие факторы интеграции, как обеспечение развития алтайского языка и культуры, языка субэтносов (челканцев, тубаларов и др.), решение проблем социально-экономического неравенства народов, обеспечение этнического равноправия в органах власти¹².

⁹ *Мархинин В. В.* Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2000. 262 с.; *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70–78; *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика взаимодействия культур. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

¹⁰ *Попков Ю. В.* Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: <http://www.tuva.asia>; *Попков Ю. В., Костюк В. Г.* Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества в структуре регионального управления // Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 97–105.

¹¹ *Хайдаров Р. Р.* Межэтнические отношения и этническая идентичность в местном сообществе // Вестник экономики, права и социологии. 2011. №. 1. С. 242–245.

¹² *Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А.* Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1. С. 165–177.

Если суммировать сказанное выше об интеграции межэтнических сообществ, то основными факторами их становления и развития, судя по материалам теоретических и конкретно-социологических исследований, анализа нормативно-правовых документов в сфере федеральной и региональной национальной политики, в настоящее время являются:

1) расширение и укрепление межэтнических связей и взаимодействий в экономической, социальной, политической, культурной, духовной сферах жизни как на групповом, так и на межиндивидуальном уровнях;

2) признание ценности этнической формы общности людей, этнической идентичности, этнического многообразия как общественного достояния и фактора прогрессивного развития общества, этносов, индивидов;

3) обеспечение социального и политического равноправия этносов;

4) развитие традиционных ценностей народов в сферах материального производства, культуры, семейной жизни;

5) снижение уровня экономического и социального неравенства между индивидами и социальными группами;

6) адаптация и социализация мигрантов из зарубежья;

7) расширение социальных функций языков и культуры народов России;

8) сохранение и развитие объединяющей роли русского народа, русской культуры и языка.

2.2. Республика Хакасия как межэтническое сообщество

Эмпирическая верификация выделенных факторов интеграции межэтнических сообществ выполнена нами на основе анализа данных мониторингов этносоциальных процессов 2000–2012 гг. в Республике Хакасия¹³. В 2002 г. было опрошено 834 респондента, в том числе 450 хакасов, 352 русских, 32 – лиц других националь-

¹³ *Абрамова М. А., Гончарова Г. С.* Динамика социокультурных процессов в межэтническом сообществе современной Хакасии // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 137–148.

ностей; в 2012 г. – 1816 чел., в том числе 405 хакасов, 1176 русских, 235 – лиц других национальностей.

Хотя, насколько нам известно, социум Хакасии никем из социологов не определялся как межэтническое сообщество, для такого определения имеется достаточно оснований. В течение многих веков на территории Хакасии проживали в мире и согласии многие народы. С XVII века она – в составе России. В 2010 г. на территории республики проживали представители свыше 100 народов. Из них русских 81,7 %, хакасов – 12,1; немцев – 1,1; украинцев – 1,0; татар – 0,6 и других народов – 3,5 %¹⁴.

Многие вопросы динамики социокультурных процессов в республике XX–XXI вв. отражены в публикациях В. Н. Тугужековой, А. С. Логачевой, Г. С. Котожекова, И. Н. Трошкиной, В. А. Асочакова, В. К. Шулбаева и других авторов. Особенно хотелось бы отметить сборник статей В. Н. Тугужековой «Хакасский этнос на рубеже веков», в котором рассмотрены исторические, демографические, культурные аспекты развития хакасского народа и межнациональных отношений в республике за 1990–2010 гг. «Особенностью Республики Хакасия, – отмечает она, – является то, что у нас нет тех тенденций, которые заметны в некоторых республиках, как стремление к самоизоляции, сепаратизму, тем более государственной независимости. Это объясняется многими факторами. Историческими традициями, количественным параметром этносов: 80 % населения – русские; 11,1 % – хакасы. ... На территории республики существует много поселений, где вместе живут люди разных национальностей и где зачастую этническое смешивание происходит на уровне семей»¹⁵.

Определенные обобщения динамики этносоциальных процессов в Хакасии в постсоветский период сделаны в диссертационной работе И.Р. Карамчаковой на основе государственной статистики и материалов проведенного ею в 2009–2010 гг. анкетного опроса.

¹⁴ См.: Всероссийская перепись населения 2010. Т.4. С. 10–11. Табл. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 08.06.2017).

¹⁵ Тугужекова В. Н. Хакасский этнос на рубеже веков (конец XX – начало XXI вв.): Сб. статей. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. С. 39–40, 118.

Исследованы, в частности, процессы этносоциальной стратификации, динамика межэтнических отношений, состояние этнического самосознания населения. Сделаны следующие выводы:

– особых различий в стратификации по образованию, уровню дохода, социально-профессиональной ориентации между хакасами и русскими нет;

– динамику межэтнических взаимоотношений можно охарактеризовать как стабильную, без особых межэтнических напряжений;

– русским характерна общероссийская самоидентификация больше, чем региональная; у хакасов наоборот¹⁶.

Но, несмотря на проделанную работу, все же целостное представление о динамике социокультурных процессов в республике пока отсутствует.

Частично восполняя этот пробел и понимая «социокультурность» как единство социальных, культурных и личностных аспектов, рассмотрим вначале динамику объективных показателей социальных и культурных процессов на основе материалов переписей населения, а затем динамику субъективных показателей этих процессов, выраженных ценностями, оценками, самосознанием респондентов в социологических опросах 2000–2012 гг.

Базовый показатель в социальной динамике населения – динамика этнической структуры населения региона. Сравнение материалов переписей населения 2002 и 2010 годов¹⁷ по Хакасии показывает, что и численность, и доли населения основных этносов республики – русских и хакасов – изменялись незначительно. Численность русских уменьшилась на 10,7 тыс. чел., а хакасов – на 1,8 тыс. чел., но при этом их доли во всем населении республики возросли – соответственно на 1,4 и 0,1 % (до 81,7 и 12,1 % соответственно).

¹⁶ Карамчакова И. Р. Этносоциальные процессы в Хакасии в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2010. С. 15–22.

¹⁷ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Табл. 3. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_14_26.htm (дата обращения 08.06.2017); Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4. С. 10–11. Табл. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 08.06.2017).

Более существенные изменения произошли в других этнических группах. Так, третья по численности этническая группа – немецкая – уменьшилась более чем в полтора раза – с 9,2 до 6,0 тыс. чел., а ее доля в населении – с 1,68 до 1,14 %. Еще сильнее сократилась группа украинцев – в 1,6 раза, а доля – с 1,53 до 0,96 %. Немного снизилась численность и доля в населении татар. Не изменилась практически численность коренного населения Хакасии – шорцев, одного из малочисленных народов Сибири.

В то же время удвоилась численность узбеков, утроилась – киргизов. И хотя их доля в населении сейчас небольшая (0,24 и 0,35 %), но этнокультурная адаптация «новых мигрантов» из Средней Азии в поликультурной среде республики необходима.

Хакасы по-прежнему (62–63 %) остаются преимущественно сельскими жителями и разделяют вместе с сельчанами других национальностей социальные последствия «реформ»: кризис аграрной сферы, здравоохранения и прочее. Нынешняя государственная статистика не позволяет, к сожалению, проследить в динамике изменений этнические различия в уровнях доходов, уровне жизни, социальном обеспечении и других объективных показателях социальной стратификации. Но есть возможность рассмотреть данные о семьях и уровне образования, которые фиксировали этнические аспекты.

Объективным показателем межэтнической комплиментарности в сообществе является динамика этнически смешанных семей. Численность и доля таких семей в Хакасии в советский период неуклонно возрастала, что было обусловлено ростом этнического многообразия в период освоения целины, строительства Саянского ТПК и других объектов. Так, за 1970–1989 гг. доля этнически смешанных семей в общей численности семей в республике возросла с 15,3 до 19,2 %. За период же 1989–2010 гг. она снизилась до 14,8 %¹⁸. Снижение обусловлено в значительной мере отмеченной выше трансформацией этнической структуры населения, уменьшением численности, постарением населения, изменением демогра-

¹⁸ Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Взаимосвязь типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 108.

фических установок молодежи в условиях порожденного рыночными реформами социального кризиса.

Из основных показателей этнокультурного развития, фиксируемых статистикой, можно отметить уровень образования, владение языками – русским и хакасским.

Уровень образования, если судить по доле лиц старше 15 лет, имеющих высшее образование, среди хакасов в 2000-е годы продолжал оставаться таким же высоким, как и у русских: 20,0 против 15,2 % соответственно в 2010 и 2002 гг. у хакасов, при 22,5 против 15,3 % соответственно у русских. Существенно ниже этот уровень у шорцев: всего 3,7–3,8 %¹⁹.

Русским языком владеют практически все (98–99,9 %) жители республики. Уровень владения другими (родными) языками среди этносов Хакасии снижается. Так, за период 2002–2010 гг. среди хакасов он понизился с 71,1 до 61,3 %; среди немцев – с 30,8 до 21,4 %, среди украинцев – с 41,3 до 37,8 %. К сожалению, хакасским языком в очень малой степени владеют русские, и число таких снизилось: с 789 чел. в 2002 г. до 485 чел. в 2010 г. Среди представителей других этносов таких вообще по 10–20 человек. Проблемы билингвизма хакасской молодежи в контексте языковой политики Республики Хакасия рассмотрены А.Ф. Гусейновой. Она отмечает положительную роль целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 гг.», хотя многие вопросы достижения заявленной в ней цели «расширения функций хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия» еще ждут своего решения²⁰.

Одним из важных субъективных показателей состояния социокультурных процессов в межэтническом сообществе за исследуе-

¹⁹ Посчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Табл. 11. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_04_2_04_1.htm (дата обращения 08.06.2017); Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4. Табл. 14. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-14.pdf (дата обращения 08.06.2017).

²⁰ Гусейнова А. Ф. Особенности билингвизма хакасской молодежи в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч 1. С. 67.

мый период является оценка людьми проводимых в стране реформ. При общем для хакасов и русских доминировании неопределенности в оценке реформ («неизвестно, куда идет страна») существенно повысились (до 40%) оптимистические оценки реформ как возрождение страны и, соответственно понизилось (с 20 до 6–9 %) восприятие их как упадок страны.

Мы предположили, что отношение к реформам может повлиять на изменения в иерархии ценностей людей (см. табл.1).

Таблица 1

**Сопоставление базовых ценностей у русских и хакасов
в Республике Хакасия в 2000 – 2012 гг., %**

Система базовых ценностей	Хакасы		Русские	
	2000	2012	2000	2012
<i>Коллективизм – индивидуализм</i>				
Нашему народу сейчас нужно больше всего чувство взаимопомощи, коллективизма	77	81	73	73
Нашему народу сейчас нужно больше всего чувство индивидуализма, личной деловитости, свободы личности	23	19	27	27
<i>Стабильность – перемены</i>				
В жизни важнее всего стабильность, устойчивость	76	62	73	71
В жизни важнее всего перемены, новизна	24	38	27	29
<i>Личная свобода – общий порядок</i>				
Для страны важнее всего расширение личных свобод граждан	20	38	26	41
Для страны важнее всего обеспечение общего порядка	80	62	74	59
<i>Предпочтение своей или иной национальности в органах власти</i>				
Надо чтобы в органах власти было больше людей моей национальности, так как они могут лучше заботиться о своем народе	62	47	24	42
Национальность людей в органах власти не имеет особого значения, так как о нашем народе могут лучше заботиться и не мои соплеменники	38	53	76	58

В тяжелые времена этнические группы, ощущая кризис вследствие разрушительного воздействия реформ, прибегают к мерам по объединению с целью самосохранения. Анализ отношения к ценности коллективизма показал, что, несмотря на доминирование ценности коллективизма в целом и у хакасов, и у русских, с 2000 по

2012 гг. среди хакасов наблюдается увеличение доли «коллективистов» – с 77 до 81 %. У русских доля поддерживающих коллективизм не изменилась. Это дает нам основания предположить, что реформы в большей степени повлияли на хакасов и скорее в положительном ключе. Данная тенденция может быть обусловлена увеличением внимания к сохранению этнической культуры в республике, росту числа образовательных мероприятий, направленных на изучение этнической культуры, вследствие чего акцентируется значимость формирования этнического самосознания и коллективизма как предпосылки для объединения людей по этническому признаку.

Это предположение подтверждают показатели по отношению к стабильности и переменам. Если бы реформы заставляли группу выживать, сплываясь перед «внешней угрозой», то увеличение доли тех, кто поддерживал бы перемены, стремился к новизне, не произошло бы. В данной ситуации имеется обратная тенденция. Ценность новизны, стремления к обновлению среди хакасов выросла в большей степени, чем среди русских. В то же время возросшая ценность личной свободы и у хакасов, и у русских является показателем усиливающегося внимания к проявлению этнического самосознания у одних и стремлением защитить свои интересы – у других. Этот вывод подтверждают результаты опросов о желаемой национальности работников органов власти. Если у хакасов значимость представительства лиц своей национальности во власти снизилась (с 62 до 47 %), то для русских, наоборот, она существенно выросла (с 24 до 42 %).

При этом детальный анализ этнических предпочтений не показывает наличие конфликтующих интересов. И хакасы, и русские достаточно миролюбиво относятся друг к другу, что проявляется в отсутствии этнических акцентов при выборе друга, партнера и руководителя по работе (см. табл. 2).

Можно сделать вывод, что результаты опросов скорее свидетельствуют об ориентации респондентов не столько на этнический признак, сколько на реальную оценку человеческих и профессиональных качеств личности. И несмотря на явное предпочтение представителя своей этнической группы при выборе руководителя республике, тем не менее, можем отметить тенденцию к увеличе-

нию доли тех, для кого неважна собственно его этническая принадлежность, а скорее будут важны результаты его действий.

Таблица 2

Результаты изучения социальных дистанций у хакасов и русских по шкале Богардуса, %

Социальные дистанции	Предпочитаемая национальность	Хакасы		Русские	
		2000	2012	2000	2012
Предпочтение национальности при выборе друга	Хакаса	63	36	7	2
	Русского	12	14	58	56
	Любой национальности	26	58	32	41
Предпочтение национальности при выборе партнера по работе	Хакаса	45	21	5	1
	Русского	24	16	47	47
	Любой национальности	31	68	40	50
Предпочтение национальности при выборе руководителя по работе	Хакаса	45	28	5	0
	Русского	20	11	53	51
	Любой национальности	31	62	36	46
Предпочтение национальности при выборе руководителя республики	Хакаса	66	54	10	3
	Русского	10	5	53	50
	Любой национальности	22	40	38	46

Постепенное снижение значимости этнического маркера, а, возможно, размывание содержания его, показывает интерпретация понятия сформированности этнического самосознания личности (см. табл. 3).

Так, доля тех, для кого сформированное этническое самосознание – это прежде всего знание своей национальной культуры, языка, традиций – с 2000 г. снизилось с 93 до 75 % у хакасов и с 76 до 64 % – у русских. В то время как доля людей, считающих, что этничность не имеет сейчас большого значения, увеличилась (с 4 до 9 % у хакасов и с 15 до 23 % – у русских).

С одной стороны, это может привести к снижению напряженности межэтнических отношений. Так, если в 2000 г. каждый пятый русский или хакас отмечал, что за последние 10 лет межнациональные отношения в их населенном пункте ухудшились, то в 2012 г. лишь 2–3 % отметили, что «чувствуется сильное напряжение»

в отношениях, хотя при этом в определенной мере присутствует «скрытое напряжение».

Таблица 3

Степень сформированности этнического самосознания

Степень сформированности этнического самосознания	Хакасы		Русские	
	2000	2012	2000	2012
<i>Сформированное этническое самосознание</i> – каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа	93	75	76	64
<i>Частично сформированное этническое самосознание</i> – важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык, культуру народа не обязательно	3	17	9	13
<i>Этническая индифферентность</i> – сейчас не имеет особого значения осознание человеком своей национальности, знание национального языка и культуры	4	9	15	23

Но, с другой стороны, отсутствие ответственности за сохранение этнической культуры своей группы, языка, подмена значимости познавательной деятельности для осуществления полноценной рефлексии индивидом может через какое-то время привести к использованию этнического маркера в качестве аргумента политически ангажированными группами.

Закljučая анализ динамики социокультурных процессов в межэтническом сообществе Республики Хакасии, можно сделать вывод, что на данном этапе динамика межнациональных отношений в Республике остается положительной. Сохранился высокий уровень взаимной этнической комплиментарности у самых многочисленных этносов Хакасии – русских, хакасов, немцев, украинцев, зафиксированный еще в 2000 г. Так, при высоком уровне взаимных симпатий русских и хакасов (52–55 %) антипатии отметили лишь 4–5 % респондентов. Среди хакасов отмечено также комплиментарное отношение к алтайцам (55 % – симпатий; 0,5 % – антипатий), казахам (соответственно 45 и 1,5 %); среди русских – кроме хакасов, также к украинцам, белорусам, немцам. Результаты опросов показали, что и в настоящее время эта взаимная этническая

комплиментарность народов Республики, сложившаяся в течение длительного времени взаимодействия, сохраняется.

Таким образом, эмпирическая верификация факторов интеграции межэтнических сообществ на примере анализа данных мониторингов этносоциальных процессов 2000–2012 гг. в Республике Хакасия показала, что к этим факторам можно отнести:

1) отсутствие стремления к самоизоляции, сепаратизму и государственной независимости;

2) длительная история совместного проживания, обусловившая активное межэтническое взаимодействие и увеличение числа этнически смешанных семей;

3) владение русским языком практически всеми жителями республики;

4) высокий уровень коллективизма;

5) признание ценности этнической формы общности людей, этнической идентичности, этнического многообразия как общественного достояния и фактора прогрессивного развития общества, этносов, индивидов.

Мы рассмотрели только факторы внутренней интеграции межэтнических сообществ, где субъектами процесса выступают этносы или этнические группы, и значимость этого вида интеграции для российского общества.

Но важно также выявить факторы, способствующие интеграции локальных (региональных) сообществ разного формата и разного этнического состава между собой, а также пределов их интеграции. Если межэтнические сообщества уже есть определенная форма и продукт процесса межэтнической интеграции, то каким может быть новое сообщество как продукт их интеграции? Субцивилизация, цивилизация, Европейский (Евразийский) союз, новый этнос, человечество как международное сообщество? На наш взгляд, объективная реальность в сфере межнациональных и межэтнических отношений позволяет ставить и исследовать эти вопросы.

2.3. Факторы интеграции и дезинтеграции сельских локальных сообществ

Специфика современного этапа мирового развития заключается в том, что состояние не только отдельных стран, но и общечеловеческой цивилизации в глобальном плане зависит от взаимодействия всех локальных событий, а локальные события, в свою очередь, все больше воплощают в себе целое, поэтому глобальные цивилизационные процессы сегодня определяют стратегии и модели социально-политического и экономического развития отдельных стран и более локальных общностей. Масштабная трансформация, утверждая новую модель мироустройства, неизбежно затрагивает как жителей наиболее развитых стран, так и обитателей самых отдаленных уголков планеты. Таким образом, одним из проявлений динамики процессов глобализации является столкновение двух уровней организации общества: глобального и локального. Реализация вектора развития глобального «транзитивного общества» от «локального» к «глобальному» подразумевает не только распространение капиталистических производственных связей и отношений, но и куда более глубокую радикальную реорганизацию мирового социума, переформирование всей системы социальных связей и отношений. С другой стороны, в процессе поиска нового места (статуса) локального в глобальном сообществе возникают новые социокультурные проекты самореализации, а практика локализма начинает выступать в качестве фактора и инструмента актуальной политики.

Вопрос о сущности и направленности процессов, протекающих в сельских сообществах России, остается одним из самых актуальных. Можно ли описывать эти процессы как процессы интеграции или дезинтеграции, стихийной трансформации или устойчивого развития? От чего зависит направленность этих процессов?

Сельское локальное сообщество, понимаемое как социально-территориальная общность людей, объединяемых как местом проживания, так и локальными социальными связями и взаимодействиями (в целях удовлетворения их экономических и социальных потребностей), выступает в качестве низового звена социально-территориальной структуры сельской местности. Особенность это-

го объекта исследования состоит в отсутствии внутри него более мелких, самостоятельных территориальных общностей. Будучи специфическим объектом социологической науки, понятие сельских локальных сообществ возникает на пересечении методологии сельской социологии, локалистики (в отечественной традиции – исследований регионально-территориальной структуры сельского социального пространства) и социологии сообществ, объединяя в себе методологические и методические установки указанных направлений социальных наук. Поэтому исследование сельских локальных сообществ, ограничивающееся методологией одного из трех перечисленных направлений, будет неполным. И, наконец, сельские локальные сообщества как объект исследования, конечно, содержат все признаки сельской социальной среды, выработанные сельской социологией, и их изучение, соответственно, подразумевает использование специфических методологических подходов данной отрасли социологии.

Исследование сельских локальных сообществ, помимо аналитического качественного описания специфических для данного социума характеристик, направлено на анализ общих тенденций развития общества, преломленных через «местную» специфику, и опирается как на качественные, так и количественные методы социологии. Комплексное исследование социального развития локального сельского сообщества требует выделения по крайней мере трех блоков: социально-экономический блок, охватывающий проблемы, связанные с уровнем доходов сельского населения, отношениями собственности, состоянием рынка труда и формами занятости населения, преобладающими видами экономической деятельности и т.д.; социально-демографический блок; социально-структурный блок, включающий в себя вопросы социальной организации и социальных взаимоотношений сельского сообщества. Эти показатели, фиксируемые в ходе исследования локальной специфики развития сельских сообществ, позволяют оценить сельские сообщества по следующим параметрам: степень вовлеченности в модернизационные процессы; уровень адаптированности к переменам; социальные ресурсы, доступные сообществу (социальный капитал сообщества). Необходимо учитывать также внешний контекст жизни локального сообщества, являющийся источником вызовов его иден-

тичности и ресурсной обеспеченности. Таким образом, модели социального развития сельских локальных сообществ зависят от ряда факторов экономического, социального, демографического, природно-климатического и географического характера.

Несмотря на то, что происходящие в последние время изменения в жизни сельских локальных сообществ в России имеют много общего с изменениями сельского социума, наблюдаемыми в глобальной перспективе (изменениями «глобального села»), у них имеются определенные особенности, определяемые социокультурными факторами и «траекторией пути», историей. Социальное развитие сельских территорий в современной России обусловлено особенностями трансформации российского общества, осуществляющейся с начала 1990-х гг., причем рыночное переформатирование деревни в СССР и странах бывшего «социалистического лагеря» не только схоже методами с либеральным реструктурированием аграрного сектора стран Третьего мира (Южной Америки, Африки, Азии), но даже совпадает с ним хронологически (1980-е – начало 1990-х гг.). Однако если в странах Третьего мира реформы, включавшие в себя приватизацию земель и ликвидацию некоторых институтов, противоречивших функционированию сельского хозяйства в рамках конкурентной среды мирового рынка, были направлены в значительной части и на слом ограничений, содержащихся в традиционном праве, то для России, наоборот, характерно отсутствие рыночных экономических традиций у жителей села, за десятилетия после коллективизации привыкших считать себя скорее наемными рабочими, чем самостоятельными хозяевами.

Осуществляемая в России аграрная реформа включала в себя земельную реформу, переход от планово-административной системы к рыночной и становление многоукладности и характеризовалась либерализацией экономики, дополненной демократическими реформами государственного устройства и введением самоуправления (децентрализация управления).

При этом рыночная перестройка аграрного сектора привела к ситуации, в корне отличающейся от замыслов реформаторов. Фактически вследствие реальных процессов демодернизации и частичной архаизации социальных и экономических отношений российское село приблизилось к стартовым условиям реструктуриза-

ции аграрного сектора развивающихся стран. Вследствие разрушения материально-технического и организационного базиса сельского социума и экономического спада произошло сокращение социальной группы, реализующей активный тип экономического поведения. Среди всех слоев сельского населения особо массово распространяется пассивный тип экономического поведения. Реактивно-пассивная стратегия адаптации в сельских районах России проявилась в феномене натурализации (переориентации населения на самообеспечение основными жизненно необходимыми продуктами натурального хозяйства, самозанятость в личном подворье)²¹.

Вместо капиталистической модернизации наметились тенденции архаизации, «бегства в дорыночные уклады» – особенно села и «периферийных» регионов²². Таким образом, вместо социалистического варианта экономики модерна в российском селе ключевым элементом структуры экономики становится сектор личных подсобных хозяйств, приближающихся по своим характеристикам к традиционным формам сельского хозяйства.

В ситуации, характеризующейся относительной однородностью социальной структуры сельского населения (преобладание «бедных» и «крайне бедных») и ростом неформального сектора, основывающегося на реципрокном обмене, родственных и соседских связях, возникают теории об особой природе неформальных, «эксполярных», «внеузловых» моделей социального взаимодействия в российском селе, в котором в период 1990-х – начала 2000-х неформальный тип интеграции, самоорганизации существенно потеснил сугубо рыночные и формально-легалистские отношения. Рост значения неформальной интеграции сельских жителей, домохозяйств и формальных организаций происходит в контексте адаптации, приспособления к меняющемуся социальному окружению, в ходе которого актуализируются все возможные ресурсы, в том

²¹ Нечипоренко О. В., Самсонов В. В., Зазулина М. Р., Мореханова М. Ю. Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 243 с.

²² См.: Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88.

числе социокультурные традиции неформальных (сетевых) взаимодействий.

Внешне в последние десятилетия мы наблюдали сокращение сектора аграрного производства, сокращение количества сельскохозяйственных предприятий и изменение структуры сельскохозяйственного производства в пользу частного сектора. Речь, однако, идет не просто о внешних процессах, а о базовых изменениях в жизнедеятельности сельского социума.

В результате произошло сокращение значения всех основных структур, генерирующих отношения в сельском социуме и определяющих общую направленность социальных, экономических и политических процессов в нем.

В годы советской власти основным структурообразующим элементом, вокруг которого интегрировалась вся жизнь сельского социума, выступала практика коллективного хозяйствования, воплощенная в крупных сельскохозяйственных предприятиях (колхозах и совхозах). Именно этот элемент определял всю специфику существования и развития сельских сообществ: незначительный по объему и вспомогательный по функциям уровень развития личных подсобных хозяйств населения, основные связи между жителями села и даже процессы управления сельскими сообществами.

В 2000-е гг. произошла трансформация выделенных структур, связанная прежде всего с сокращением и реформированием крупных сельскохозяйственных предприятий. В результате структурообразующим центром жизнедеятельности сельских сообществ оказалась экономика личных подсобных хозяйств, развивающаяся по компенсаторному принципу и призванная заполнить нишу, образовавшуюся с сокращением деятельности крупных предприятий. Однако домашняя экономика носила преимущественно натуральный характер, будучи ориентированной на самообеспечение, а не на рыночную эффективность. При этом занятость в аграрном секторе, неважно – частном или государственном, оставалась основной для сельского населения.

На современном этапе развития все большую роль приобретают процессы отходничества, что не только ведет к сокращению роли аграрного производства, выступая по отношению к нему аль-

тернативной занятостью, но и оказывает влияние на изменение всего образа жизни сельских локальных сообществ.

Если описывать ситуацию более подробно, то в качестве основных структур, генерирующих связи и отношения в сельском социуме, выступают²³:

1. Самообеспечивающиеся домохозяйства, представляющие собой «первичный элемент» неформальной интеграции локальных сообществ сельской России. Характерной особенностью ЛПХ как уклада, выступают: неформальные способы организации труда и взаимодействия с окружением.

2. Родственные или дружеские сети социальной поддержки, образуемые домохозяйствами.

3. Симбиотические образования, главными элементами структуры которых являются: масса микроэкономик «подсобных хозяйств» – с одной стороны и «крупхозы» – с другой.

4. Квазилегитимные структуры местного самоуправления: в 1990-е гг., в связи со слабостью формальных управленческих институтов, в число значимых акторов муниципальной политики включаются крупные сельскохозяйственные предприятия. Реформированные в акционерные общества бывшие колхозы и совхозы продолжали выполнять свои прежние социальные функции; более того, социальное значение крупных предприятий даже возросло.

Перечисленные структуры фактически выполняли интегративную функцию, генерируя вокруг себя накопление связей и отношений, способствующих стабилизации и дальнейшему повышению уровня жизни сельских сообществ, формируя и поддерживая жизнь сельского социума. Однако изменения государственной аграрной политики (мероприятия по повышению эффективности сельского хозяйства, введение в рыночный оборот земель и пр.), муниципальная реформа, более четко определившая полномочия и компетенции самоуправления, так же, как и эволюционные изменения в адаптационных практиках сельского населения и стратегиях хозяйствования, предопределили изменение описанной ситуации.

²³ *Самсонов В. В.* Неформальный сектор сельской России и его динамика // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 119–129.

Исследования, проводимые в сельских сообществах на протяжении последнего десятилетия, показывают, что на современном этапе развития все эти структуры переживают кризис: часть из них приобретает незначительные изменения, другая часть видоизменяется и трансформируется.

Прежде всего, несмотря на то, что натурализованная домашняя экономика хозяйств населения продолжает оставаться основой адаптационных возможностей сельских локальных сообществ, происходит изменение хозяйственных практик сельских домохозяйств в сторону их сокращения, а также изменение трудовых ориентаций крестьянства. Современная ситуация в сфере занятости сельского населения в подсобных хозяйствах характеризуется постепенным, но неуклонным снижением роли ЛПХ как сегмента сельской экономики в общей структуре аграрного производства (что фиксируется и данными государственной статистики).

На современном этапе структура занятости и экономическая активность населения сельских сообществ определяется двумя факторами. Во-первых, это близость урбанистических центров, которые обеспечивают дополнительный рынок труда и рынок сбыта. Во-вторых, это отсутствие на территории большинства населенных пунктов сельскохозяйственных предприятий, которые обеспечивали бы работой значительное количество населения районов. В такой ситуации экономически активное население вынуждено либо полностью переориентироваться на ведение натурального хозяйства, повышая его товарность, либо заниматься отходничеством на длительное время из села.

Нехватка рабочих мест на селе порождает целый спектр последствий не только социально-экономического (значительная часть безработных вынуждена искать временную работу в других селах и переориентироваться на ведение личных подсобных хозяйств), но и психологического характера (исследования фиксируют высокий уровень социальной напряженности, негативную оценку государственной аграрной политики, снижение уровня социального самочувствия).

Необходимо отметить, что существует определенное противоречие. С одной стороны, основные надежды на дальнейшее выживание и развитие села население связывает не с локальными уров-

ниями власти, а с государством. Но при этом государственная социальная политика в аграрном секторе оценивается населением и представителями управленческих и бизнес-элит как малоэффективная. И рядовые сельские жители, и представители элит в подавляющем большинстве считают, что правительство бросило село на произвол судьбы.

Такое положение дел является закономерным следствием процессов реформирования: происходит постепенное накопление социального негатива среди одной из самых многочисленных групп российского населения. Особенно ярко характеризует ситуацию тот факт, что даже среди управленцев и специалистов высшего и среднего звена, которые, по идее, должны составлять социальную базу существующего режима, подавляющее большинство считает, что российскому обществу сегодня необходимы перемены. На фоне недовольства общей ситуацией в деревне работа местных администраций оценивается сельским населением в целом положительно. Селяне осознают тот факт, что положение дел в конкретной деревне находится в тесной зависимости от действий сельской, районной и областной администраций. Но в качестве основного фактора, оказывающего влияние на ситуацию в деревне, по мнению самих сельчан, выступает деятельность местных властей. В то же время и «простое» сельское население, и эксперты осознают, что основным фактором, определяющим дальнейшее стабильное и устойчивое развитие сельских территорий в целом, оказывается государственная поддержка села, позволяющая разработать и реализовать комплексный системный подход к развитию села и сгладить перекосы в аграрной политике на уровне регионов.

В заключение отметим, что описанная ситуация характерна для большинства сельских регионов России. Село остается одной из самых проблемных зон российского общества. Сельское население с трудом вписывается в современные стратегии рыночного реформирования. Около трети сельского населения считает себя проигравшими от реформ, индекс адаптации к реформам имеет отрицательное значение. Следует подчеркнуть, что общее положение подавляющего большинства сельских сообществ остается очень тяжелым, и наблюдается прогрессирующая тенденция к депопуляции сельских поселений.

Различия в условиях жизнедеятельности между отдельными локальными сообществами, между совокупностью поселений и сельских территорий, основанные на неоднородности географических, климатических, ресурсных, экономических, демографических условий, позволяют выделить территориальные общности более «высокого уровня», начиная от микрорегионов, ядро которых составляют отдельные сельские поселения, а границы охватывают территорию производственной деятельности большинства их населения, до зон, объединяющих ряд территориально-экономических районов и их частей по природно-хозяйственным признакам. Адаптивность оценивается при этом в качестве интегрального свойства сообщества как целостной системы и рассматривается как совокупность внутренних факторов, определяющих эффективность адаптационных изменений. В адаптационном потенциале заложена латентность адаптационных практик, своевременность и вектор реализации которых зависит от активности субъектов социально-экономического развития.

Как показали исследования в сельских регионах России, проводимые на протяжении последних 15 лет, динамика социальных процессов в локальном сообществе под воздействием внешних изменений (локальная вариативность социальных процессов) складывается из трех основных компонент:

- 1) характера воздействия со стороны глобализованного общества;
- 2) конкретного содержания традиционности, воспроизводимого данным локальным сообществом, то есть совокупности устойчивых практик жизнедеятельности, репродуцируемых данным обществом (институционализированный в данном сообществе «социальный порядок»). Например, этническая специфика определяет «исходный» тип традиционного природопользования, социокультурную и демографическую динамику локальных сообществ;
- 3) внешних условий существования сообщества, определяющих его «границы возможного», лимитирующих доступные данному сообществу возможные реакции на изменения социальных условий. Так, географический фактор проявляется как в природных различиях, напрямую влияющих на располагаемые сообществом ресурсы, определяющих профилирующий вид экономической деятельности, так и в уровне урбанизации территории и удаленности

населенного пункта от городских центров, выступающих источниками сбыта и приложения избыточных трудовых ресурсов.

Именно влияние второго и третьего условий обеспечивает наблюдаемую дисперсию моделей социального развития, вырабатываемых различными сообществами.

Список литературы

Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Динамика социокультурных процессов в межэтническом сообществе современной Хакасии // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 137–148.

Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88.

Всероссийская перепись населения 2010. Т.4. С. 10–11. Табл. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itiogi1612.htm (дата обращения 08.06.2017).

Гусейнова А. Ф. Особенности билингвизма хакасской молодежи в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч 1. С. 65–68.

Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1. С. 165–177.

Зубок Ю. А. Интеграция социальная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 374–375.

Карамчакова И. Р. Этносоциальные процессы в Хакасии в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2010.

Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Взаимосвязь типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 105–111.

Мархинин В. В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2000. 262 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70–78.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика взаимодействия культур. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В., Зазулина М. Р., Мореханова М. Ю. Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 243 с.

Попков Ю. В. Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: <http://www.tuva.asia>.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества в структуре регионального управления // Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 97–105.

Самсонов В. В. Неформальный сектор сельской России и его динамика // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 119–129.

Тугужекова В. Н. Хакасский этнос на рубеже веков (конец XX – начало XXI вв.): Сб. статей. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 154 с.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 11.10.2016).

Указ от 29 мая 2013 года № 2084 «О Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/473503180> (дата обращения 21.10.2016).

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499040473> (дата обращения 11.10.2016).

Хайдаров Р. Р. Межэтнические отношения и этническая идентичность в местном сообществе // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 242–245.

Глава 3

ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА, МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ

Общество любого масштаба, как социальная форма движения материи, совокупность взаимодействующих сообществ, индивидов и групп, находится в процессе непрерывного изменения. Эти изменения носят количественный и качественный характер, причем первые диалектически связаны со вторыми: количественные изменения на определенном этапе могут приводить к качественным изменениям социальных процессов, структур, состояний общественных систем, подсистем. Переход социальных систем, общностей, институтов и организаций из одного качественного состояния в другое в социальных науках определяется наиболее общим понятием «социальная трансформация», в котором «трансформация» восходит социолингвистически к позднелатинскому слову *transformation* – превращение, преобразование, а «социальное» синонимично, как правило, «общественному». О специфике «социокультурного» будет сказано в последующем.

По способам, типам механизмов социальных трансформаций различают эволюционные и революционные, прогрессивные и регрессивные, имитационные и инновационные и другие типы трансформаций.

Следует оговориться, что в современных социогуманитарных науках нет строгого канона в употреблении понятий и терминов, что не только приводит к когнитивному диссонансу, препятствуя межнаучному общению, но частью научного сообщества отсутствие канона квалифицируется как творчество, инновация, отход от догматизма и т.п. В данной публикации, как и в предыдущих, автор старается четко выразить свое понимание и трактовку тех или иных терминов, понятий, концепций, идейно-теоретических и методологических подходов, не претендуя на оригинальность, а следуя объективным фактам, логике событий и логике науки.

Итак, мы полагаем, что процесс преобразований следует понимать как трансформацию лишь в случае заметных качественных изменений в тех или иных объектах.

Если рассматривать в качестве объекта изучения российское общество на рубеже XX–XXI вв., то почти все философы, социологи, экономисты, политологи, культурологи всех идейных и методологических различий признают факт его трансформации, за исключением некоторых публицистов, упорно твердящих о «вековой русской рабской ментальности» или, наоборот, «имперскости», сожалеющих о «нереформируемости» русского (российского) образа жизни, системы ценностей¹. Но даже признавая то, что российское общество ныне существенно отличается от того, каким оно было еще 25–30 лет назад, т.е. фактическую трансформацию, обществоведы различаются в более точном определении категории данного процесса: революция, контрреволюция, реформация, модернизация, транзит или еще что-то? Собственно говоря, большинство и не претендует на его более конкретное определение, вполне удовлетворившись наиболее общей и не очень определенной категорией «трансформация», заняв объективистскую позицию отделимости социальной науки от аксиологии. Но при этом сама наука становится историографией, не претендующей на объяснение причин, целей и оценки последствий происходящих процессов, на участие в их регулировании и управлении в соответствии с интересами большинства населения, на принципах социальной справедливости, демократии, гуманизма. Но вопросы-то остаются? Да, трансформация заметна. Но почему она идет? Что и кому она принесла? Куда дальше будет идти? Кто и как ее регулирует? И надо ли вообще регулировать? Стихийный или регулируемый (управляемый) это процесс? И много других вопросов, которые и призвана, на наш взгляд, решать социальная наука. Правда, по-разному отвечая на них.

Вспомним динамику современной российской трансформации. Начинались процессы трансформации советского общества с дек-

¹ Отчасти их взгляды отражены нами в коллективной монографии: Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сибир. науч. изд-во, 2008. 262 с.

ларирования перестройки и ускорения общественного развития в социалистической социально-экономической и политической форме (лозунг «больше демократии, гласности, больше социализма»). В теории и политической практике формационный подход вроде бы не отвергался, а перестройка не предполагала передел социализма в капитализм, а советского государства – в президентско-парламентско-буржуазное. Демократия декларировалась как увеличение реального участия большинства населения не только в выборах всех уровней власти, но и в решении всех общегосударственных и местных проблем.

Объективные причины для необходимости совершенствования социалистического хозяйственного механизма в СССР, безусловно, были: к началу 1980-х гг. снизились темпы экономического развития, упала покупательная способность населения, замедлился научно-технический прогресс, возникли другие проблемы. Все это, по мнению академика А. Г. Аганбегяна, позволило академику Т. И. Заславской в 1983 г. в знаменитом «Новосибирском манифесте» (так окрестили ее доклад «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии» на симпозиуме по социально-экономическому развитию СССР) обосновать тезис об отставании производственных отношений в СССР от уровня и назревших потребностей развития производительных сил. Система управления в экономике и социальной сфере была чрезмерно централизована, подавляла, по мнению экономистов, творческие инициативы².

В последующие годы экономическая и социальная наука, а также политическая элита КПСС во главе с М. Горбачевым и А. Яковлевым начала обосновывать и проводить перестройку на базе концепции внедрения рыночных отношений в хозяйственный механизм как способа ликвидации указанного отставания, дисгармонии базиса и надстройки. К чему привела эта трансформация? «В новой России, – отмечает А. Аганбегян, – мы переживаем аналогичный период, когда темпы развития экономики сокращаются,

² Академик Аганбегян: кризис в России длится четверть века // Наука в Сибири. 19 окт. 2017 г. № 41. С. 7.

как в период брежневского застоя, необходимые структурные реформы не проводятся, и во многом мы сами погрузились в трясины стагнации и рецессии 2013–2017 годов»³.

Но вернемся вновь к динамике социальной трансформации СССР и России в исследуемый период, продемонстрировав такую важную ее сторону, как эволюция категориального смысла происходящих преобразований в теоретических исследованиях ведущих экономических и социологических школ и решениях политической элиты страны, т.е. важнейших субъектов этих преобразований.

В 1980-е годы, когда процесс перестройки только набирал обороты, доминировали в науке категории «перестройка», «революция» (больше социализма и демократии!), затем реформирование (реформация), транзит, модернизация. Однако однозначной поддержки большинства исследователей ни одна из категорий (и, соответственно, концепций) не получила, хотя сейчас все чаще упоминается «модернизация», а обобщающим все подходы остается концепт «трансформация».

Поскольку одним из важнейших субъектов (акторов) трансформационных процессов в позднесоветский период страны (1980–1991 гг.) являлась КПСС, и в первую очередь ее руководство во главе с М.С. Горбачевым и А.Н. Яковлевым, то следует упомянуть сущность «теоретических» воззрений партийной элиты на происходящие процессы и возможные их последствия. Наиболее откровенно она выражена в «исповеди» бывшего секретаря ЦК КПСС по идеологии, академика РАН, президента Международного фонда «Демократия» А.Н. Яковлева, опубликованной в 2005 г. в виде статьи «Реформация в России» в журнале «Общественные науки и современность», в рубрике «Двадцать лет российской трансформации»⁴.

Анализируя перестройку 1985–1991 гг. в России и обозначая ее как Реформация с большой буквы (т.е. претендуя на аналогию с Реформацией христианства в Средневековье, положившей начало протестантизму как духовной основе капитализма), автор раскры-

³ Академик Аганбегян: кризис в России длится четверть века.

⁴ Яковлев А. Н. Реформация в России // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 5–15.

вает истинные цели «реформаторов» и «лидера перестройки» М. Горбачева: совсем не «больше социализма», а «путь эволюционного слома *тоталитаризма* через *тоталитарную партию* с использованием ее принципов централизма и дисциплины, но в то же время опираясь на ее протестно-реформаторское крыло»⁵. Бывший главный идеолог коммунистической партии определяет ныне откровенно коммунизм как утопию⁶, а цель реформаторов – как очистку общества от «глубины тех преступлений, которые совершены *большевицким фашизмом*»⁷ (выделено – В.К.). В то же время считает: «Реформация не дала ответов на многие вопросы ..., не буду спорить, время откровений и точных оценок еще не пришло. Улягутся страсти, закончится всероссийская ярмарка тщеславий, ослабнет мутный поток всякого *большевизма-фашизма*, тогда белое станет белым, черное – черным... На мой взгляд, без решительной *дебольшевизации* всех сторон российской жизни эффективные демократические реформы невозможны»⁸ (выделено – В.К.). Стиль своего двуличного поведения как идеолога коммунистической партии и идеолога ее Реформации он определяет так: «Я в качестве железного правила занял следующую позицию: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Но осторожность особого рода – осторожность *с нашим специфическим социумом...*»⁹ (выделено – В.К.).

Поскольку ему «задолго до перестройки стало ясно, что самым эффективным лекарством против общественных деформаций может быть свобода слова, с чего и начала свой путь Реформация»¹⁰, то руководимый им Отдел пропаганды и агитации ЦК сделал все возможное, чтобы «в серебряные годы перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы»¹¹. Учитывая «специфичность социума», надо было «быть осторож-

⁵ Яковлев А. Н. Реформация в России. С. 6.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 14–15.

¹¹ Там же. С. 15.

ным» в формировании истинных целей перестройки, но решительным в дискредитации советской истории. «Иногда меня спрашивают, – откровенничает А. Яковлев, – а не противно ли было притворяться и разыгрывать из себя дурачка? Да, противно. Но, может быть, кто-то знает более эффективный путь с точки зрения конечного результата в условиях деспотии и казенного единомыслия?»¹² Комментарии, как говорится, излишни.

А после «серебряного века» перестройки (1985–1990 гг.), наступил, как помним, «золотой век» радикальных реформ (1991–1993 гг.) – развала СССР, ваучерной приватизации, расстрела из танков Верховного Совета, легитимизации новой власти принятием новой Конституции и выборов новой власти, ключевые посты в которой заняли сторонники рыночных трансформаций (т.е. капиталистических преобразований). И поехало – покатило, и катится до сих пор, что и дает основание академику А. Аганбегяну заключить, что кризис в России длится четверть века.

Уповая на то, что история не имеет сослагательного наклонения, академическая наука занялась концептуально-теоретическим описанием процессов реальных преобразований, оттеснив на периферию альтернативные точки зрения о причинах и последствиях произошедших трансформаций.

Определенную ясность в понимание того, что происходило и происходит в российском обществе и его сообщества внесли исследования Новосибирской экономико-социологической школы под руководством Т. И. Заславской, исследования Института социологии РАН (В. А. Ядов, М. К. Горшков, Л. М. Дробижева и коллеги), Института философии РАН (Н. И. Лапин и коллеги).

Так, В. А. Ядов, солидаризируясь с выводом П. Штомпки о том, что теории универсального, прогрессивного «вектора» развития стран и народов (Маркс, Дюркгейм, Вебер) не подходят для описания современных обществ, т.к. опровергаются ходом истории¹³, и задавая вопрос: «Модернизация, переход или трансформация в совре-

¹² Яковлев А. Н. Реформация в России. С. 8.

¹³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 290–292.

менной России?», делает вывод: «Итак, адекватное понятие, которое свободно от «векторной нагрузки», – это понятие трансформации. Особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно преобразуется (преобразуется вся система), но скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность социальной системы близка к состоянию “динамического хаоса” (по И. Пригожину). Этим современное российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой»¹⁴.

По мнению В.А. Ядова, «к настоящему времени в общесоциальных теориях системно-структурные и структурно-функциональные (онтологизированные) образы обществ начинают уступать социально-культурным и деятельностно-субъектным представлениям о динамике социальных изменений»¹⁵. Рассматривая трансформационные процессы в России в общемировом контексте, он акцентирует внимание на их социокультурной сущности. «Российское общество принадлежит к иной цивилизации, отличной от западноевропейской» – подчеркивает он, аргументируя этот вывод следующими утверждениями: 1) в России не сформировалось, в отличие от Западной Европы, гражданское общество, доминируют вертикальные (а не горизонтальные) социальные взаимосвязи; 2) в истории России всегда за политико-экономическими элитами, проводящими «прозападные» реформы, приходили к власти «традиционалисты» – умеренные или радикальные; 3) россиянам свойственен патернализм, неприятие выраженного индивидуализма¹⁶.

Что касается возможной динамики развития социальных трансформаций в России, то В.А. Ядов определенные надежды в ее осмыслении возлагает на теории циклических изменений, преодолевающих, по его мнению, узость дилеммы «прогресс или регресс», векторную направленность развития общества. Опираясь на идеи социокультурной динамики П.А. Сорокина об абсолютном

¹⁴ Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 12–14.

и относительном циклическом процессах¹⁷, выводы А. С. Ахиезера о чередовании в истории России циклов прозападных реформ и восстановления национальных традиций¹⁸, идеи Н. Данилевского, А. Тойнби о подъеме и угасании цивилизаций, он в то же время делает вывод: «Доказательно оценить циклическую парадигму весьма трудно. Если же исходить из идеи возвратного движения к прошлому, то циклизм – явная утопия, ибо, как сказал еще древний философ: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды»¹⁹.

В. А. Ядов не рассматривал специально проблему трансформации сообществ, но весьма ценны его замечания относительно концепции одного из классиков теорий перехода от традиционного общества к современному, Ф. Тенниса, о том, что «большое», холодное, рассудочное общество, где индивидами движет «избирательная воля», не может существовать само по себе без «теплой», исконной, общинной культуры *Gemeinschaft*'а»²⁰. Поэтому, считает В. А. Ядов, переход от общинного *Gemeinschaft*'а к современному *Gesellschaft*'у воспринимается во многих странах Запада далеко не только в положительном смысле, но и как утрата неких существенных черт социальности: искренности межличностных связей, взаимопомощи, веры в идеалы. Этим объясняются такие тенденции, как отказ от концепции «плавильного котла» в США; развитие в США и европейских странах многообразных форм самоорганизации на уровне соседства (*community*); ... формирование «сетевых структур» в бизнесе, науке и культуре, ... в интернет – коммуникациях, создающих эффект «глобальной деревни», по Р. Робертсону²¹.

Т. И. Заславская, в отличие от В. А. Ядова, в своих теоретических исследованиях посткоммунистических трансформаций в Рос-

¹⁷ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 90–91.

¹⁸ Ахиезер А. С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. №1. С. 3–57.

¹⁹ Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 21–22.

²⁰ Там же. С. 18.

²¹ Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно. С. 11–12.

сии опирается в основном на развитие не социокультурных и деятельностно-активистских концепций, а на адаптацию к российским реалиям социо-структурных и структурно-функциональных теорий в экономической социологии. По ее утверждению, последовательная смена центральных понятий процесса преобразований – начиная с ускорения и перестройки, кончая переходом и трансформацией – «была шагом в сторону более глубокого проникновения в сущность событий», а «понятие трансформации ... достаточно адекватно отражает такие важные качества переживаемого нами процесса как: направленность на изменение социального качества общества, относительно мирный эволюционный характер, зависимость от поведения, установок не только элитных, но и массовых общественных групп, значительный уровень стихийности, ограниченная управляемость и слабая предсказуемость результатов»²².

Разрабатывая теорию социального механизма трансформационного процесса, она выделяет центральный объект, на изменение которого направлены реформы: 1) институты, определяющие социальный тип общества (институты власти, собственности, гражданского общества, прав и свобод человека). Это, по ее определению, наиболее доступный для целевой реформаторской деятельности слой общественного устройства; 2) социальная структура – более глубокий и менее управляемый слой. Сдвигов в нем можно добиться лишь через преобразования в социальных институтах; 3) социокультурные характеристики общества: структура доминирующих ценностей, потребностей, целевых ориентаций, мотиваций, норм и способов повседневной деятельности. Это наиболее фундаментальный и поэтому стратегический объект преобразований. «Наиболее обоснованно судить о том, движется общество в направлении прогресса или в сторону деградации, можно по сдвигам в его культурных характеристиках» – заключает Т.И. Заславская²³.

При всей научной фундаментальности и теоретико-методологической значимости теории социального механизма трансформации он

²² Заславская Т. И. Социальные результаты реформ и задачи социальной практики // Куда идет Россия?... Трансформация социальной среды и социальная политика / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 7–8.

²³ Там же. С. 8.

ограничен, по признанию самого автора, тем, что «в качестве объекта трансформации рассматривается все национальное общество, без выделения его территориальных частей», без учета федерализма, межнациональных отношений, отношений села и города²⁴.

Понятно, что социокультурный аспект трансформации хотя и обозначается ею как наиболее фундаментальный и стратегический, но в данной теории макроуровня он детально не исследуется. Разве что в понятии «человеческий потенциал», используемом для межстрановых сравнений и оценки социальной динамики, выделяется «социокультурный компонент» (наука, образование, культура), и на основе сравнения опыта СССР и постсоветской России (первые 10 лет) делается вывод о преобладании в его динамике негативных тенденций над позитивными²⁵.

Социокультурное содержание трансформационных процессов получило наиболее полное отражение в теоретических исследованиях Н. И. Лапина и его коллег по Центру изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН, в процессе которых ими осуществлен переход от концепции социокультурной трансформации (как общего, но не очень операционального, понятия) к социокультурной модернизации²⁶. Последняя понимается как составная (наряду с индустриальной и информационно-когниционной модернизациями) часть всемирного процесса глубоких изменений цивилизационного характера, как «формирование и утверждение в повседневной жизни совокупностей ценностей, в центре которых находится развитие человеческой личности, а их реализация обеспечивается соответствующими социальными

²⁴ *Заславская Т. И.* Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 109.

²⁵ Там же. С. 80–92.

²⁶ *Лапин Н. И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 194 с.; *Он же.* Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17.; *Он же.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // СОЦИС. 2011. № 9. С. 3–17; Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 472 с.

институтами и структурами»²⁷. Для целей нашей работы важно отметить, что как в концепции трансформации, так и модернизации по Н. Лапину центральным ядром является содержание «социокультурности», близкое к его трактовке П. Сорокиным: «личность, общество и культура как неразрывная триада»²⁸, которое представляется нам наиболее эвристичным для исследования процессов современных трансформаций в России на всех уровнях (страновом, региональном, этническом, групповом, индивидуальном), динамики, тенденций и факторов преобразований. Применительно к социокультурной динамике это показано нами на основе критического анализа существующих концептуальных подходов²⁹, а в отношении социокультурных группировок – в изучении социокультурных типов молодежи³⁰.

Любые социокультурные трансформации должны быть направлены на развитие личности, гуманизацию общественных отношений, сохранение «цивилизационного кода» народов – их менталитета.

Н.И. Лапин выделяет два типа социокультурных трансформаций: 1) традиционализация – возникновение и институционализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритеты традиционных действий субъектов по сравнению с инновационными; 2) либерализация (модернизация) – расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных действий – в соответствии с усложнением личности, возвышением ее

²⁷ Лапин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6–7.

²⁸ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 218.

²⁹ Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия, 2013. Т. 11, вып. 2. С. 68–74.

³⁰ Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.

потребностей и способностей³¹. Конкретные эмпирические исследования подтверждают, что в последние годы в российском обществе и его локальных и межэтнических сообществах усиливается тенденция к традиционализации, в том числе в форме т.н. неотрадиционализма как способа снятия противоречия между традициями и новациями.

Проблема соотношения традиционного и нового (современного) – одна из существенных в теориях сообществ (Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма и др.). Сообщества есть разновидности социальной группы, поэтому концептуальные подходы исследования социальных (и социокультурных) трансформаций, социокультурной динамики обществ в основном могут быть применены и к ним. Конечно, с учетом специфики родов и видов сообществ. Поэтому не только ностальгия по утрате при капитализме таких существенных черт социальности, как взаимопомощь, вера в идеалы, искренность межличностных связей и др., что отмечал В.А. Ядов, но и то, что «современное общество нуждается в идее сообщества, причем сообщество вновь оказывается нормативным понятием»³², актуализируют исследования современной проблематики сообществ, в первую очередь их социокультурной динамики.

О том, что Советский Союз действительно был межэтническим и межрегиональным сообществом народов и территорий, свидетельствуют не только исследования советских и зарубежных ученых того периода, но и фиксируемая ныне социологическими опросами в России ностальгия большинства населения по тому времени. Интернациональное сообщество – советский народ – не распалось само собой, его целенаправленно разваливали «перестройщики» и «реформаторы». Но, как известно, даже в последние годы его существования большинство людей высказались за сохранение обновленного Союза на референдуме 1991 г., итоги которого были проигнорированы политическим руководством страны того времени.

³¹ Латин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. С. 46.

³² Зазулина М. Р. Сообщество как предмет исследования социальных наук: стратегии изучения, сравнение проблемы // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 135.

Развал единого государства стал результатом разбалансировки в процессах перестроек политической и экономической системы страны и стремления сформировавшихся в недрах руководства КПСС буржуазно-националистических элит к удельной власти и собственности. Он привел к росту межэтнических напряжений в ряде регионов (Прибалтика, Северный Кавказ) и даже вооруженных конфликтов, но в целом не сумел породить вражду между народами России и других республик. Как свидетельствуют конкретные социологические исследования, комплиментарность между народами России в целом сохраняется, и она коренится не только в советской, но и в досоветской истории России³³. Именно цивилизационная специфика России обеспечивает пока относительную целостность межэтнических и локальных сообществ страны, несмотря на ржавчину господствующих в ее экономике и политике частно-собственнических отношений. В силу этого господства проблематика сообществ отеснена в академической науке на периферию исследовательских интересов. Однако актуальность ее не только не снизилась, но даже возросла в условиях переживаемого Россией кризиса, вызванного внутренними причинами и внешними вызовами. Понимая это, ряд исследователей акцентирует внимание на том, что интегрирует социальное и культурное пространство России и что мешает этому.

Так, концепт «межэтническое сообщество» ввели в социально-философскую науку В. В. Мархинин и И. В. Удалова³⁴. На основе материалов социологических исследований 1991–2014 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре они изучили динамику социокультурной трансформации – в социально-демографической, социально-экономической, культурной, этноконфессиональной сферах

³³ См., например: Россия как цивилизация: сибирский ракурс.

³⁴ *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.; *Они же.* Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. у-та. Серия: Философия. 2014. Т.12, вып. 1. С. 70–78.

жизни русского населения, населения коренных народов Севера, мигрантов из Средней Азии, Закавказья и других регионов.

Проследив евразийскую основу межэтнических отношений и традиции взаимоотношений русского и аборигенных этносов в истории Югры, авторы основное внимание уделяют различным этапам российских реформ – радикальным (1990-е гг.), умеренно-консервативным (2000–2014 гг.) и их социальным последствиям.

Все народы сообщества Югры пережили падение уровня жизни, особенно в 1990-е гг., кризиса традиционных отраслей народов Севера в условиях рынка и экспансии на территории традиционного природопользования нефтегазовой отрасли, наплыва мигрантов в города округа в 2000-е гг., что внесло определенные напряжения в межэтнические отношения. Но сохранили традиционные ценности коллективизма, патернализма, регулируемой государством экономики. Менее 4 % выступают за преобладание частной собственности в нефтегазовой промышленности. Правда, при оценке состояния межнациональных отношений в Югре отмечается некоторое повышение уровня напряженности (36 % – 2004 г., 53 % – 2009 г.), что обусловлено в основном резким увеличением числа мигрантов из Средней Азии и Закавказья в города Югры.

Тревожно, по их оценке, также выглядит в сообществе Югры интеграционная роль русского народа, что проявляется особенно в ответах молодежи и представителей неславянской национальности. Авторы исследования объясняют это тем, что вследствие проводимых в стране реформ и их отрицательных последствий упал престиж федерального центра, а вместе с ним и всего русского народа³⁵. Важнейшие факторы дезинтеграции, по оценке респондентов всех национальностей – это неуважение национально-культурных особенностей народов, значительное увеличение доли

³⁵ Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе) / Отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2010. С. 145–146.

мигрантов, несовершенство национальной политики, борьба за власть на разных уровнях³⁶.

В последние годы объектами исследования межэтнических обществ стали республики России³⁷, мегаполисы³⁸. Важным фактором интеграции межэтнических и других сообществ, по данным исследователей, является развитие местного самоуправления³⁹. Однако в целом динамику трансформации межэтнических сообществ России пока трудно проследить из-за ограниченности статистических и эмпирико-социологических данных, разноплановости методик конкретных исследований, редкости и краткосрочности мониторинговых исследований и других причин. Важнейшая из них, по нашему мнению, – безразличие российской власти к этничности как фактору интеграции общества и сообществ.

В этом плане больше повезло сельским сообществам. Поскольку село – типичный объект классических теорий общности (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.), а ведущая в России по социологии села Новосибирская экономико-социологическая школа (Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. П. Фадеева, С. В. Соболева и др.) в исследовании социальной трансформации российского общества на рубеже XX–XXI вв. традиционно значительное место отводит процессам в российском (особенно сибирском) селе, то

³⁶ Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре. С. 163.

³⁷ Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // *Философия образования*. 2015. № 1. С. 165–177.

³⁸ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // *ЭКО*. 2017. № 10. С. 7–19.

³⁹ Мархинин В. В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000; Зазулина М. Р. Местное самоуправление в условиях становления новой системы власти на селе // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия*. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 132–139.

в этом широком тематическом контексте определенное место заняли и сельские сообщества⁴⁰.

Обобщение исследований по сельским (в т.ч. локальным) сообществам проведено О. В. Нечипоренко⁴¹. Конкретные аспекты трансформационных процессов на селе, в том числе в динамике, изучены В. С. Шмаковым⁴², М. Р. Зазулиной⁴³.

Процессы трансформации социокультурного пространства села исследованы П. П. Великим⁴⁴, В. И. Староверовым⁴⁵.

Исследуя изменения качественных характеристик жизни сельского населения Сибирского региона, В. С. Шмаков отмечает на основе мониторинговых исследований конца 1990-х – начала 2000-х гг.: «Вместо трансформации сельскохозяйственного производства аграрная реформа привела к его архаизации. Это проявилось в экспансии мелкотоварного производства, основанного на архаической системе хозяйствования: преобладании тяжелого немеханизированного труда, ... вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей. Как следствие – архаизация всего сельского образа жизни и депрофессионализация кадров»⁴⁶. Тип адаптации населения к реформам в этот период он определяет как пассивно-адаптивный. Исследования 2008–2013 гг.

⁴⁰ См., например: *Калугина З. И.* Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // *Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы.* Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 602–614.

⁴¹ *Нечипоренко О. В.* Сельские сообщества изменяющейся России: инновации и традиции. Новосибирск: Сибир. Науч. изд-во, 2010. 302 с.

⁴² *Шмаков В. С., Нечипоренко О. В.* Сибирское село в условиях реформ. Новосибирск: Параллель, 2008. 160 с.

⁴³ *Зазулина М. Р.* Практики самоорганизации сельских сообществ изменяющейся России // *Российское село в условиях глобальных вызовов.* Уфа: БАГСУ, 2014. С. 236–241.

⁴⁴ *Великий П. П.* Трансформация социокультурного пространства села // *Российское село в условиях глобальных вызовов.* Уфа: БАГСУ, 2014. С. 114–122.

⁴⁵ *Староверов В. И.* История и теория социологического анализа российской агросферы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. 436 с.

⁴⁶ *Шмаков В. С.* Сибирское село: изменения или застой? // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2012. Т. 10, вып. 2. С. 121.

позволили сделать вывод о том, что в сельском социуме на уровне массовых ориентаций происходит отказ от пассивной адаптационной стратегии.

«Проведенные исследования, – заключает В. С. Шмаков, – позволяют предположить, что при сохранении общих тенденций в развитии сельских поселений (триада: бедность, пьянство, безработица) на современном этапе развития реакция сельских сообществ на возникающие проблемные ситуации во многом определяется доминированием тех или иных форм хозяйствования»⁴⁷. Если с экономической точки зрения сменяющие крупхозы агрохолдинги играют позитивную роль, т.к. благодаря внедрению в сельское хозяйство финансового капитала и менеджмента обеспечивают рост производительности труда и количество валового продукта, то с социальной позиции их роль пока скорее отрицательна, т.к. они не заменяют социальную роль крупхозов, совхозов, кохозов. «И здесь триада, которую мы отмечаем (безработица, бедность, пьянство) остается практически без изменения. ... Именно эта триада является главным препятствием в жизни сельских жителей»⁴⁸, – резюмирует В. С. Шмаков.

Отметим, что этот 3D-формат сельского образа жизни и большинства сельских сообществ характерен не только для Сибири. И не только сельских.

Подведем некоторые итоги рыночных трансформаций в России. Видный российский экономист, член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг, позиционирующий в мировоззренческом плане себя как либеральный прагматик, эти итоги оценивает так. Позитивная сторона – «преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой экономики», «раскрепощена ранее скованная личная инициатива», «устранена типичная для советского строя уравнительность в личных доходах, виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда» и т.д. «Но все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны, – отмечает он. –

⁴⁷ Шмаков В. С. Сибирское село: изменения или застой? С. 122.

⁴⁸ Там же. С. 123.

Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что *за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала*, а потери в социальной сфере просто неизмеримы. Хуже того, что негативные процессы пока никак не удается приостановить... Как уже отмечалось, *плодами проведенных преобразований пользуется не больше 20 % населения страны*. Поляризация обрела скандальный характер: по данным аналитиков банка Credit Suisse, *110 человек в нашей стране владеют более чем третью всего богатства отечественных домохозяйств*⁴⁹ (выделено – В.К.).

Анализируя социальные аспекты «модернизации» России, Р. Гринберг справедливо отмечает: «Не может человек, который вынужден работать для заработка на пяти работах, думать об инновациях или каких-либо еще высоких материях типа “образования в течение всей жизни”, о культурном досуге, творчестве и т.д. ... В 2000-е годы общенациональное дело культуры превратилось в поприще лишь для узкого круга элиты...»⁵⁰

Качественно такие же оценки динамики социокультурной трансформации постсоветской России даются другими известными отечественными экономистами, социологами, политологами разных мировоззрений.

На основе анализа массовых опросов следует, что самым большим приобретением в результате реформ для среднестатистического россиянина лично являются: 1) насыщение рынка товарами (40 % ответивших); 2) возможность зарабатывать без ограничений (28 %); 3) свобода выезда за рубеж (27 %). В то же время 25 % не видят никаких приобретений, а последнее место в списке заняли «свобода слова и мысли» – 6 % ответов⁵¹.

Самой большой потерей в результате реформ для общества в целом половина (48 %) считала в 2011 г. снижение уровня жизни большинства населения (в 2001 г. – 54 %), утрату уверенности в завтрашнем дне (31 %; в 2001 г. – 22 %), отход от идеи социализ-

⁴⁹ Гринберг Р. С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2016. С. 70–71.

⁵⁰ Там же. С. 153.

⁵¹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. С. 28.

ма (27 %) ⁵². А на аналогичный вопрос о потерях *для себя лично* как по всему массиву опрошенных так и по 5 (из 6) возрастных групп россиян ответ «утрата уверенности в завтрашнем дне» на первом месте по значимости: 42 % – по всему массиву, 49 % – в возрастной группе 41–50 лет, 48 % – в группе 51–60 лет. Минимален он в группе 18–25 лет (33 %), но и здесь он самый важный; затем молодежь беспокоит утрата стабильности, чувства безопасности (26 %), снижение уровня жизни людей (22 %). Лишь в возрастной группе старше 60 лет снижение уровня жизни оказалось более беспокоящим, чем утрата уверенности в завтрашнем дне (49 и 44 % ответов соответственно). И лишь 7 % не видят никаких потерь для себя в результате реформ.

Исследователи отмечают, что в обществе идет переосмысление достижений и неудач реформ: в 2000-е гг. (по сравнению с 1990-ми) немного снизился негативизм оценок уровня жизни. «На смену ему в общественном сознании приходят новые мотивы для недовольства реформами – отсутствие локального порядка в стране и рост коррупции, отсутствие социальной справедливости, резкое деление общества на богатых и бедных» ⁵³. Негативные последствия реформ люди стали чаще рассматривать с общезначимых, а не только личных, позиций. Так, 46 % самой большой потерей для общества считают отход от идеи социализма (рейтинг № 1 в списке потерь), 32 % – снижение авторитета России в мире (рейтинг № 2), 32 % – отсутствие должного порядка в стране. 27 % беспокоит падение морали в обществе ⁵⁴. А самое главное – утеряна уверенность в завтрашнем дне.

В обществе нарастает вызванный длительными стрессами потенциал агрессии: в 2011 г. 34 % опрошенных отметили, что «часто чувствовали желание перестрелять всех, из-за кого жизнь стала такой, какова она сейчас», и лишь 28 % «никогда не ощущали это

⁵² Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. С. 33.

⁵³ Там же. С. 35.

⁵⁴ Там же. С. 32. Рис. 2.3.

желание»⁵⁵. Неудивительно: соотношение доходов децильных групп превышает 17 раз⁵⁶.

Бывшее в советский период преимущественно коллективистским по своему менталитету, российское общество в период рыночных трансформаций стало преимущественно индивидуалистским, что отмечают многие исследователи. Так, Н. И. Лапин, руководитель программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», на основе изучения динамики коэффициентов интенсивности близости людей (Киб) в разных регионах России, делает вывод, что если на селе это ощущение близости людей друг к другу и понизилось в 2000-е гг., оно все же остается пока высоким и вдвое выше, чем в городах. При этом поселенческая идентичность в разы превышает региональную и одновременно различается между регионами (в Чувашии Киб в 6 раз выше, чем в Смоленской области, например). Чем выше поселенческая идентичность (близость с людьми своего поселения), тем выше идентичность региональная. Характерно также, что в полиэтничных республиках этническая идентичность содействует региональной консолидации. На этой основе делается вывод; «Каркас российских регионов составляют поселения (прежде всего города) как территориальные *общности*, в которых важна роль не только формализованных, а и социально-психологических отношений между жителями; но регион как лицо – уровень большого *общества* (социума) включает значительный массив социетальных, институционализированных отношений, трансформирующих его в *сообщество*»⁵⁷.

Из изложенного выше следует, что хотя сельские сообщества (особенно межэтнические) и подверглись в процессе рыночных реформ большему разрушению, чем городские, интеграционный

⁵⁵ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. С. 72–73.

⁵⁶ Овчарова Л. Дорогие слуги // Аргументы и факты. 2013. 22 янв. № 21. С. 15.

⁵⁷ Лапин Н. И. Территориальные сообщества и общности: рост социокультурного потенциала и его дисбалансы // Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. С. 656–658.

потенциал в них сохраняется, что очень важно для возможностей в будущем реанимации ныне существующих «двух России» (богатой и бедной) *в сообщество*. В сельских сообществах коренится цивилизационный и ментальный потенциал возрождения России.

Еще в начале 2000-х гг., проведя массовые экспертные опросы русского и тюркского населения в Республиках Хакасия, Алтай, Тыва, Эвенкийском автономном округе, исследуя трансформацию экономической, социальной и культурной жизни локальных сельских и межэтнических сообществ на основе динамики статистических показателей, анализа общественного мнения, мы сделали вывод:

1) рыночные реформы вдвое (по сравнению с 1990 г.) сократили экономический потенциал национальных автономий, а в традиционных отраслях занятий коренных народов Сибири (животноводство, рыболовство, охота и др.) – в несколько раз; сформировалась экономика примитивного выживания, деградировалась профессиональная структура населения;

2) произошел резкий спад уровня жизни всех народов в условиях роста безработицы, особенно в сельских локальных сообществах;

3) безработица, бедность, стрессовые состояния психики, вызванные неуверенностью в будущем, привели к росту заболеваемости, в том числе алкоголизмом, туберкулезом и др.;

4) эксперты из числа интеллигенции отметили некоторую позитивную динамику в подъеме этнического самосознания, усиления интереса людей к своей традиционной культуре, к овладению родным языком;

5) в менталитетах русских и тюрков сохраняются общие и типичные для российской евразийской цивилизации черты: предпочтения коллективистских начал жизни индивидуалистическим, общественного порядка – личной свободе, государственного регулирования рынка – свободной конкуренции, отрицательное отношение к купле-продаже земли;

6) несмотря на «шоковую терапию», комплиментарность народов России сохраняется, хотя реформы в определенных местах и обостряют межэтнические отношения; но именно исторически сформировавшееся сходство менталитетов народов по базовым для

жизни ценностям сохраняет межэтнические сообщества как интеграционные скрепы страны⁵⁸.

Опросы общественного мнения, проводимые ВЦИОМ и другими центрами в 2017 г., подтверждают сформировавшееся уже к началу 2000-х гг. резкое отторжение народами России идеологии, направленности и методов проводимой властью социокультурной трансформации страны. Отметим только некоторые, наиболее важные факты.

Так, целью реформаторов была и остается приватизация, т.е. передача в частные руки государственной и кооперативной собственности. Если в начале 1990-х гг. свыше половины (51 %) граждан надеялись, что приватизация поможет стране выйти из экономического кризиса (сотворенного, кстати, самими «реформаторами»), то ныне таковых осталось лишь 18 %, а три четверти (73 %) людей негативно оценивают ее итоги, 56 % выступают за национализацию (передачу государству предприятий частных лиц)⁵⁹.

Попытка российских властей начать новый виток приватизации вызвала также отрицательное отношение: 65 % ждут от новой приватизации углубления несправедливости в распределении доходов⁶⁰, которая, как уже отмечалось выше, и так «зашкаливает». К тому же по мнению лишь 28 % опрошенных, частные предприятия стали работать более эффективно, чем государственные.

Такое же негативное отношение россиян и к другой «новации» «реформаторов» – расчленению СССР. По данным «Левада-центра»,

⁵⁸ *Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н.* Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003. С. 118–126; Россия как цивилизация: сибирский ракурс. С. 87–185, 255–259.

⁵⁹ Большая приватизация: 25 лет спустя // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3480. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116426> (дата обращения 10.10.2017).

⁶⁰ Новая приватизация: семь бед – один ответ? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3094. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115674> (дата обращения 10.10.2017).

68 % мечтают о восстановлении Советского Союза. Лишь треть опрошенных уверена, что процесс распада СССР был неизбежен⁶¹.

Так что постсоветские трансформационные процессы в России вряд ли следует рассматривать, как это делает большинство либерально-ориентированных обществоведов и политиков, только как объективно обусловленные. По нашему мнению, основными акторами этих процессов были и остаются не основные массы граждан. И когда они станут действительно демократической базой перемен, возможен качественно иной вектор и динамика трансформационных процессов, а не адаптация к произволу и насилию.

Правда, постсоветская социокультурная динамика страны все-таки пока слабую надежду на это, судя по устойчивым заверениям власти и большинства ученых-экономистов и социологов о безальтернативности капитализма.

Альтернатива была и есть. Но это уже другая тема.

Список литературы

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.

Академик Аганбегян: кризис в России длится четверть века // Наука в Сибири. 19 окт. 2017 г. № 41. С. 7.

Ахиезер А. С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. №1. С. 3–57.

Великий П. П. Трансформация социокультурного пространства села // Российское село в условиях глобальных вызовов. Уфа: БАГСУ, 2014. С. 114–122.

Гринберг Р. С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2016. 160 с.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.

⁶¹ Опрос: 68 % россиян хотели бы возвращения к социализму и СССР // Комсомольская правда. 2016. 19 апр. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2369529/> (дата обращения 10.10.2017).

Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // *Философия образования*. 2015. № 1. С. 165–177.

Зазулина М. Р. Местное самоуправление в условиях становления новой системы власти на селе // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия*. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 132–139.

Зазулина М. Р. Практики самоорганизации сельских сообществ изменяющейся России // *Российское село в условиях глобальных вызовов*. Уфа: БАГСУ, 2014. С. 236–241.

Зазулина М. Р. Сообщество как предмет исследования социальных наук: стратегии изучения, сравнение проблемы // *Сибирский философский журнал*. 2016. Т.14. № 3. С. 124–139.

Заславская Т. И. Социальные результаты реформ и задачи социальной практики // *Куда идет Россия?... Трансформация социальной среды и социальная политика* / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 3–15.

Заславская Т. И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России // *Россия, которую мы обретаем* / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 93–110.

Калугина З. И. Депривация сельского населения в условиях неостоятельности сельскохозяйственных предприятий // *Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 602–615.

Латин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // *Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф.* 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6–23.

Латин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // *Вопросы философии*. 2000. № 6. С. 3–17.

Латин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 194 с.

Латин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // *СОЦИС*. 2011. № 9. С. 3–17.

Латин Н. И. Территориальные сообщества и общности: рост социокультурного потенциала и его дисбалансы // *Регионы России:*

социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. С. 652–691.

Мархинин В. В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 262 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. у-та. Серия: Философия. 2014. Т.12, вып. 1. С. 70–78.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: инновации и традиции. Новосибирск: Сибир. Науч. изд-во, 2010. 302 с.

Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 10–44.

Овчарова Л. Дорогие слуги // Аргументы и факты. 2013. 22 янв. № 21. С. 15.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. 2017. № 10. С. 7–19.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия, 2013. Т.11. Вып. 2. С. 68–74.

Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этноссы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003. 128 с.

Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 472 с.

Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сибир. науч. изд-во, 2008. 262 с.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Староверов В. И. История и теория социологического анализа российской агросферы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. 436 с.

Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе) / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2010. 176 с.

Шмаков В. С. Сибирское село: изменения или застой? // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 120–125.

Шмаков В. С., Нечипоренко О. В. Сибирское село в условиях реформ. Новосибирск: Параллель, 2008. 160 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 9–20.

Яковлев А. Н. Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 5–15.

Глава 4

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ВОПЛОЩЕНИЯ «ИДЕИ» ЕДИНСТВА НАРОДОВ

Со второй половины 80-х гг. XX в. в России активизировалось внимание к этническому фактору, что, с одной стороны, является в какой-то мере резонансом стремления к суверенитету отдельных республик, вошедших в состав СССР в 1922 г., а с другой – отражением социально-экономических притязаний властных структур республиканских образований. Но важно отметить, что парад суверенитетов в стране начался не с национальных республик, а с появления декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятой первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., где провозглашено, что «РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, установленном Союзным договором и основанном на нем законодательстве» (п. 7)¹. Таким образом, пример «старшего брата» оказался весьма заразительным и подтолкнул к жизни глубинные процессы, которые долгое время развивались в республиках в том числе и при успешной реализации политики «коренизации», проводимой советским правительством и транслируемой системой образования.

Важно отметить, что модель межэтнического взаимодействия в России изначально строилась на признании прав малых народов. Так, приобретение политической компоненты «иностранцами», проживающими в отдаленных частях России, происходит уже в конце XIX–XX вв. как следствие развития зарождающегося в России социал-демократического движения, одним из лозунгов которого было право наций на самоопределение. Отчасти этому способствовала

¹ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. № 2. Ст. 22. 14.06.1990. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9038679> (дата обращения 12.04.2017).

реформа М.М. Сперанского, трансформировавшая управление сибирскими народами. Благодаря введению системы выборного народного представительства сохранилось самоуправление внутри племени или рода, но определение с причастностью к губернии или уезду подразумевало и представление интересов этнических групп, что имело важное значение для них самих. Таким образом, они получали возможность быть представленными в региональной политической элите и заявлять о своих правах. Для самих народов это стало одним из факторов формирования их этнического самосознания и появления зачатков самосознания национального, когда этнос осознает значимость государственности².

Многие представители «малых народов» стали требовать равенства и свободы, территориально-национальной автономии, возможностей развития языка и культуры, создания национальной школы. И хотя реформа М.М. Сперанского внесла значительный вклад в признание прав сибирских народов на самостоятельное развитие и территорию проживания, реализация требований этнических групп в полной мере смогла осуществиться только после Октябрьской революции 1917 г.

Документами Советского государства в отношении национальной политики, обозначившими вектор межэтнического взаимодействия стали: «Декларация прав народов России», принятая 2 (15) ноября 1917 г., провозгласившая добровольный и честный союз народов России, право народов России на свободное самоопределение, равенство и суверенитет народов, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп; Конституция РСФСР 1918 г. с формулировкой о союзе трудящихся классов всех наций России; «Декларация об образовании СССР» и «Конституция СССР» 1924 г., рассматривающие Союз ССР как «добровольное объединение равноправных народов»; Конституция СССР (1936 г.), рассматривающая союз как объединение «равноправных

² *Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В.* Региональные модели государственной национальной политики современной России: В 2 ч. / Под. ред. Попкова Ю. В. Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. I. С. 36.

Советских Социалистических Республик»³, такой же подход осуществлен в Конституции СССР 1977 г. (ст. 70).

Модель советской национальной политики базировалась на марксистской теории национального вопроса и на понимании нации как этносоциальной общности, в отличие от иных (в первую очередь западно-европейских) моделей, где нация рассматривается как согражданство в государстве. Этносоциальная общность имела государственность в форме союзной или автономной республики. Остальные автохтонные народы квалифицировались как народности, что давало возможность при определенных условиях (демографический рост, экономическое и культурное развитие) получения права на республиканскую форму правления.

Концептуальными основами советской модели национальной политики являлись: реализация права наций на самоопределение и осуществление национально-государственного строительства; федеративное устройство государства с разнородной федерацией (республики, автономные республики, автономные округа, автономные области, национальные районы); свободное развитие языка, национальных культур; развитие и сближение нации и народностей в процессе социалистической интернационализации, формирования советского народа как новой исторической интернациональной общности людей; равноправие народов в сферах политики, экономики, социальных, культурных отношений и выравнивание уровней развития народов во всех сферах жизни; приоритет социального над национальным; классовый подход к социальным проблемам; активная роль государства и коммунистической партии в реализации национальной политики⁴.

Интернациональное в модели советской национальной политики фактически совпало по своим идеологическим основам с византий-

³ История Советской Конституции (в документах) 1917–1956. М.: Госюриздат, 1957. С. 730.

⁴ *Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В.* Региональные модели государственной национальной политики современной России. С. 37.

ской моделью мультикультурности⁵: «Социалистический образ жизни – понятие интернациональное, которое при всех своих национальных особенностях и своеобразных традициях... характеризуется коренными общими чертами»⁶. «Концентрированным выражением интернационального», отмечает В. Х. Харнахов, должен был стать в рамках представленной концепции советский народ – «качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей; общность людей, имеющих общую Родину и территорию; единую, основанную на общественной собственности экономику; культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме; идеологию марксизма-ленинизма; национальные языки и средство межнационального общения – русский язык; федеративное общенародное государство; одинаковую социальную структуру; единый образ жизни; общую цель – построение коммунизма под руководством Коммунистической партии Советского Союза»⁷.

Гармонизация интернационального и национального в стране предполагала длительный процесс формирования типичного образа жизни, «характерного для всех народов многонациональной Советской страны, в единстве образующих его факторов»⁸. Одним из таких факторов должны были стать народные традиции, сделанные достоянием советских людей и содействующие формированию новых традиций, общих для всех этнических групп СССР. «Общее, социалистическое, интернациональное содержание жизни народов СССР» должно было создать благоприятную обстановку для «сво-

⁵ *Абрамова М. А.* Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция межэтническими и моноэтническими типами семей. Новосибирск: Параллель, 2016. 184 с.

⁶ *Глезерман Г. Е.* В. И. Ленин о формировании социалистического образа жизни // *Коммунист*. 1974. № 1. С. 18–26.

⁷ *Харнахов В. Х.* Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1988. С. 12.

⁸ *Широкова И. А.* Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири). Дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984. С. 4.

бодного труда, взаимообогащения, дружбы»⁹. Согласно Барту, культурная взаимодополняемость может способствовать увеличению взаимной зависимости этнических групп и создавать сферы симбиотической совместимости¹⁰. Одним из ярких примеров проявления данного механизма является увеличение количества межэтнических браков в СССР, развитие системы образования, не только транслировавшей существующее знание о культуре и языках разных народов, но и активно участвовавшей в сохранении практически утраченных языков малочисленных народов страны.

Хотелось бы отметить, что советская модель национальной политики не оставалась неизменной, она претерпевала определенные трансформации. Если период с 1920 по 1930-е гг. называют умеренно либеральным, то 1930-е гг. XX в. многие исследователи национального вопроса охарактеризовали как период ужесточения репрессий, «когда сталинское руководство встало на путь репрессивной унификации и уничтожения национальных элит, нарушив тем самым относительно умеренную национальную политику, проявлением которой было развитие национальных культур и так называемая коренизация»¹¹.

Противоречивость результатов анализа реализации модели национальной политики, созданной в СССР, обусловлена линейным восприятием вектора ее развития. Мы полагаем, что попытка формирования однозначной оценки (положительной либо отрицательной) этапов и последствий реализации национальной политики является недостаточно адекватной. Диалектика национального и интернационального проявлялась не только в организации взаимодействия этнических групп, но и в формировании политических элит в республиках. И в этой связи хотели бы обратить внимание

⁹ Широкова И. А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири). С. 5.

¹⁰ Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The Social Organizations of Culture Difference / Reprint. 1982. Bergen, Oslo, 1969. Pp. 9–12.

¹¹ См. подробнее: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.; Денисхауз В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 734 с. и др.

на существование в течение всего периода истории СССР двух разнонаправленных векторов. Первый – центростремительный – это деятельность правительства страны по сближению наций и народностей в процессе социалистической интернационализации, формирования советского народа как новой исторической интернациональной общности людей (модель мультикультурализма). А второй вектор, который постепенно набирал силу благодаря реализации идеи «коренизации», – центробежный – это формирование интеллигенции и политической номенклатуры из числа титульных этносов, которые должны были осуществлять взаимодействие с народом и решать поставленные коммунистической партией задачи на местах. Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон в исследованиях механизмов формирования национально-гражданских идентичностей выделяли взаимоотношения государства, политических элит и интеллектуалов как противостояние этнического большинства и меньшинства. И по мере усиления этнической номенклатуры в союзных республиках и автономных областях России и ослабления влияния центра центробежные процессы усиливались, приведя в результате к развалу страны.

Нашу гипотезу подтверждают результаты исследования О. С. Терехова, позволившие автору на основе анализа динамики развития восстания в Ольстере (1916), конфликтов арабизраильского (1947), баскского (1975), в Приднестровье (1992), грузино-абхазского (1992), в Чечне (1995) сделать заключение: «Сила государства является одной из причин умеренного характера отношений между этногруппой и государством. Государство, обладающее большими экономическими, военными и организационными ресурсами, увеличивает “цену” конфликта с ним, особенно насильственного, и, соответственно, ослабляет стимулы к сепаратизму. Поэтому этнические элиты в таких условиях склонны к прагматическим ненасильственным действиям и менее склонны к радикализму. Данный фактор взаимосвязан с уровнем самоуправления этноэлиты»¹².

¹² Терехов О. С. Динамика межэтнических конфликтов в XX веке: социально-философский и теоретико-исторический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008. С. 16.

Патерналистская политика советского правительства привела к тому, что «малочисленные национальности, как правило, представлены в Верховном Совете СССР значительно шире, чем их доля в населении страны. Так, тувинцы, например, в населении страны составляют 0,06 %, а среди депутатов Верховного Совета СССР – 0,4 %»¹³.

Несмотря на наличие большой доли русских в составе населения Якутии в начале XX века, большая часть Якутского областного комитета ВКП(б) была представлена якутами. В 1920–1930-е гг. «коммунисты из якутов составляли почти половину парторганизации республики. Подавляющее большинство членов Советов состояло из числа коренных народов Якутии. В районах делопроизводство было переведено на якутский язык. Республиканские учреждения издавали основные документы на двух языках. В начальных, семилетних школах и учреждениях проводилась политика коренизации»¹⁴.

В этой связи позиция иностранных советологов, пытающихся представить развитие национальных культур при социализме как насильственную «русификацию» культур, а процесс интернационализации – как явление, навязанное «сверху»¹⁵, представляется нам неубедительной.

Усиление региональных элит, представленных определенными этническими группами, сопровождалось переписыванием истории народов, в которых начинали возвеличиваться заслуги этих элит в развитии и сохранении края. Например, руководители среднеазиатских республик и Казахстана поддерживали своих историков в стремлении сделать свою национальную историю более древней и могущественной, чем национальная история соседей¹⁶. На фоне

¹³ Харнахов В. Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири). С. 17.

¹⁴ Якутия: век XX (1917–2000 гг.). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2001. С. 54.

¹⁵ Кочесоков Р. Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1990.

¹⁶ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / Сост.: Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Деннингхаус, Дж. Кадио, М. Ю. Прозуменщиков, Л. А. Роговая, А. Е. Свенцицкая, Дж. Смит, Е. В. Шелелева. М.: РОССПЭН, 2013. С. 14.

этих примеров параллели, проведенные исследователями национальной политики 1945–1953 гг., между репрессиями 30-х гг. (борьба с «белорусизацией», «финнизацией», «контрреволюционными ячейками и организациями» и прочее) и трансформацией принципов национальной политики (в СССР с конца 1930-х гг. шел процесс замены классовых принципов классификации и управления массами этническими принципами)¹⁷, приобретают иное звучание.

В регулировании амбиций этнических элит в республиках важно было учитывать не только внутренние процессы, но и латентно существующие интересы соседей к пограничным территориям РСФСР. Так, на волне «этнического ренессанса» была создана Бурят-Монгольская АССР. В последующие годы АССР изменила название на Бурятскую, были образованы автономные бурятские округа в Читинской и Иркутской областях. Как отмечает В. Г. Костюк, отчасти это связано с геополитическим положением АССР, ее соседством с Монголией, активно включенной в предвоенные годы в сферу влияния Японии: «Возможно, данное решение было ошибочно в аспекте культурного единства бурятского этноса, но с позиции государственной безопасности оно являлось, как представляется, оправданным. Соображения безопасности лежали также в основе замены в 1931 г. старомонгольской письменности бурят латиницей, а в 1939 г. письменный литературный язык переведен на кириллицу, т.е. на русскую графику. Эти трансформации в языковой политике, конечно, не могли не повлиять на бурят-монгольское взаимодействие и, как следствие, на бурятскую культуру в целом»¹⁸.

Темпы этнической коренизации и роста этнического самосознания отчасти были приостановлены событиями Великой Отечественной войны. Перед лицом внешнего врага усиление идеи патриотического воспитания и единения народов независимо от этнической идентификации способствовало консолидации населения и отчасти снижению притязаний этнических партийных элит. Мас-

¹⁷ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 6.

¹⁸ *Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В.* Региональные модели государственной национальной политики современной России. С. 40–41.

штабная идеологическая работа, которая была проведена, оправдывала и человеческие потери в связи с насильственным переселением отдельных народов вглубь страны. Социальное доминировало над национальным, но цель спасения страны обуславливала смещение акцентов в развитии и сближении наций и народностей на процесс социалистической интернационализации.

Констатируя тот факт, что вопросы национальной политики были неотъемлемой частью коммунистической идеологии, С. М. Федюнина отмечает, что лозунг «многонациональное по форме, социалистическое по содержанию» относился не только к творчеству народов, но и к их самосознанию¹⁹. В самосознании граждан страна была скорее советской и всечеловеческой, а РСФСР – мультикультурной республикой, как и другие республики СССР, чем национально-русской или славянской.

Несмотря на выделенные С. М. Федюниной факторы, определяющие статус этноса в межэтнических коммуникациях и тип его взаимоотношений с другими этносами, – «численность этноса, его миграционная подвижность и наличие у него необходимых ресурсов для воспроизводства и развития своего языка и культуры»²⁰, но именно русское население СССР в большей степени попало в двусмысленное положение после окончания войны. Провозглашение ведущей роли русского народа в содружестве СССР, предпринятое И. Сталиным в победные дни 1945 г., не было подкреплено реальным признанием его равноправия во многих национальных республиках СССР, где постепенно давала плоды политика «коренизации» в выдвижении национальных кадров. Интенсификации процесса служили негласное правило о «создании условий для обучения в средней школе большего количества детей из числа представителей коренной национальности, организация и расширение национальных вузов, целевая подготовка национальных кадров в вузах общесоюзных центров, прежде всего Москвы и Ленинграда. Лидеры республик активно содействовали развитию академических

¹⁹ Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2008. С. 27.

²⁰ Там же.

структур, открытию в своих республиках филиалов Академии наук СССР и их преобразованию в самостоятельные академии»²¹. Выдвижение национальных кадров на руководящие должности считалось важной целью кадровой политики партии. Отчасти это было оправдано. Представителям из центра – «чужакам», не знающим язык коренного населения, сложно было выполнять свои функции в республиках. Важно также, что подготовленная в партийных школах будущая политическая элита республик, с одной стороны, воспринималась центром как транслятор интересов государства, а, с другой, она позволяла решить проблему существующих властных амбиций национальной интеллигенции.

К сожалению, данная стратегия была ориентирована на существование постоянного достаточно сильного влияния партии в национальных республиках. Только этот фактор позволял сохранить баланс национального и интернационального в концептуальном понимании единства советского народа. И чем более сильной становилась со временем «этническая номенклатура», постепенно трансформировавшаяся в «этнономенклатурные кланы»²², тем сложнее было сохранять существующий баланс.

Как отмечает Ю. В. Попков, в 1970–1980-е гг. проблеме осмысления советской практики решения национального вопроса, и в частности проблеме интернационализации, уделялось значительное внимание²³. Расширение источниковой базы для анализа

²¹ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 15; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991 / 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

²² Советская национальная политика: идеология и практики. С. 18.

²³ См. *Попков Ю. В.* Интернационализация как социальный феномен: общее и особенное: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999. С. 6; *Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы* / Под ред. Е. М. Бабосова. Минск: Беларусь, 1977. 173 с.; *Гончарова В. И.* Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев: Наук. думка, 1978. 151 с.; *Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций.* Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1979. 151 с.; *Ермей Г. И.* Интернационализация духовной жизни в условиях развитого социализма. М.: Мысль, 1981. 160 с.; *Паутов В. Н.* Развитой социализм: Процессы интернационализации. М.: Изд-во МГУ, 1981. 87 с.; *Маршин В. В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. Новосибирск, 1989. 239 с.

истории решения национального вопроса в СССР на основе анализа документов из региональных и республиканских архивов сделало возможным публикацию целого ряда обобщающих и научно-популярных трудов²⁴.

Катализатором роста этнического самосознания отчасти стали выступления на XXII съезде КПСС о необходимости новой Конституции для страны в связи с возникновением новой социальной и интернациональной общности людей – советского народа и перерастании советского государства, родившегося как государство диктатуры пролетариата, в общенародное социалистическое государство. Последующие разработки текстов новой Конституции на XXIV (1971 г.)²⁵ и XXV (1976 г.) съездах партии в разделе «Национально-государственное устройство СССР»²⁶ закрепили вхождение автономных республик в состав союзных республик со своими Конституциями. Так, в ст. 78 Конституции РСФСР было закреплено, что автономная республика – это советское социалистическое государство в составе РСФСР.

Попытка переформулировать основания нациестроительства в СССР, предпринятая в 1970–1980-е гг. в форме концепции «советского народа как новой исторической общности», не привела к сглаживанию различий социальной структуры этносов в силу

²⁴ Соловов Е. М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 4; История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 гг.: В 2 т. / Отв. ред. В. П. Шестобитов. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 423 с.; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М.: Мысль, 1972. 564 с.; Каракеев К. К., Копылов И. Я., Саликов Р. А. Проблемы управления строительством Советского многонационального государства. М.: Наука, 1982. 366 с.; Хмелевский К. А. Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. // Советские национальные районы России 1917–1922 гг. Рига: Зинатне, 1985. С. 102–114. и др.

²⁵ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 76.

²⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/ (дата обращения 02.07.2016).

своей излишней идеологизированности и на практике была ограничена сферой рыночных отношений²⁷.

Последними попытками вернуться к мультикультурной модели интернационализма, разработанной на заре создания советского государства, стали призывы в работах конца 70-х гг. XX в. вернуться к первичному пониманию интернационального, проявлением которого должна была стать дружба народов, базирующаяся на сотрудничестве и взаимопомощи: «Вместе с тем, хотя в рассуждениях некоторых авторов о дружбе народов и содержатся призывы к интернациональному сплочению, в конечном итоге нередко проявляет себя преобладающая симпатия к своему национальному, к отделению “своего” от интернационального, что в конечном счете приводит к противопоставлению национального интернациональному»²⁸.

Интересен факт того, что уже в 60-х гг. XX в. в работах зарубежных советологов анализу проблемы межнациональных отношений в СССР уделялось особое внимание, поскольку именно данный фактор был признан определяющим дальнейшее развитие СССР²⁹. Так, например, Э. Джоунс и Ф. Грапп сделали заключение о том, что: «Этнические различия были и будут, по крайней мере в обозримом будущем, важным обстоятельством в разработке советской политики. Поэтому анализ национальных тенденций является ключевым аспектом западных исследований советской внутренней политики»³⁰.

Позиции советологов относительно содержания интернационализма и его роли в истории России кардинально различались: от иррациональности самого феномена до невозможности реализации идеи вследствие несовместимости «мусульманского» образа жизни,

²⁷ Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе. С. 27.

²⁸ Широкова И. А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири). С. 25.

²⁹ Кочесоков Р. Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР. С. 5.

³⁰ Jones E., Grupp F. W. Measuring nationality trends in the Soviet Union: a research note // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 1. P. 112.

«якобы имманентного народам Советского Востока, и советского социалистического образа жизни»³¹. Многие высказывались о том, что интернационализм является советским вариантом ассимиляции народов.

Но при реализации ассимиляционной стратегии национальной политики, наверное, мультикультурная идентичность граждан (гражданская, региональная, этническая, групповая) не смогли бы найти поддержку. Демонстрация равной значимости различных типов самоидентификации индивида поддерживалась идеологией строителей коммунизма, провозгласившей, что все должны иметь равные права и возможности, независимо от своей этнической, региональной принадлежности. Многочисленные исследования о развитии духовной культуры содержали тезис о важности единства национального и интернационального в ее структуре. А роль знания родного языка подчеркивалось особо. И важно отметить, что в период существования СССР удалось не только сохранить разнообразие и языковое богатство этнических групп, но и сформировать уважение к нему у самих представителей этносов. Так, по переписи населения 1979 г. из 353 тыс. бурят, 328 тыс. якутов, 166 тыс. тувинцев родным языком считали язык своей этнической группы соответственно 90,2 % бурят, 95,3 % якутов и 99,8 % тувинцев³².

Как отмечает В. Г. Костюк, категории «нация», «развитие наций», «межнациональные отношения», «национальная политика» в советский период получают наиболее полное содержание, а советское федеративное устройство СССР стало лучшей формой реализации политических прав этносоциальных общностей: наиболее многочисленных – в форме союзных республик; менее крупных – в форме республик в составе союзных, малочисленных – в форме автономных областей, округов или национальных районов. Хотя последние и не имели формального государственного статуса, но

³¹ *Кочесоксов Р. Х.* Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР. С. 11.

³² *Харнахов В. Х.* Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири). С. 21.

права коренных малочисленных народов реализовывались отчасти через их представительство в советских и партийных органах³³.

Л. В. Арутюнова, сопоставив модели мультикультурализма, реализованные в США и СССР, приходит к выводу, что сравнительный анализ процессов интеграции, протекавших в странах и приведших к возникновению «советского» и «американского» народов как новых типов исторической общности людей, показывает, что проводимая в СССР политика была много ближе к мультикультурализму, нежели к «переплавке»³⁴.

Эффективность национальной политики Советского Союза можно подтвердить отсутствием долгое время конфликтов на этнической почве, сохранением стабильности в межнациональных отношениях и высоким уровнем сформированного патриотизма у граждан. Общероссийская идентичность стала к 90-м годам XX в. реальностью. Так, инерционный механизм позволял сохранять ощущения единства еще в 1993 г. (по данным опросов 47,9 % респондентов идентифицировали себя как «гражданина России» и лишь 14,2 % – как «представителя своей национальности»³⁵).

Таким образом, в Советском Союзе была реализована наиболее продвинутая идея мультикультурализма (интеркультурализма Э. Паин³⁶), которая не противоречила факту культурного многообразия, а лишь ориентировала на обеспечение взаимодействия их представителей через создание условий для взаимного интереса, одним из залогов которого стало увеличение межэтнических браков. Так, Э. Паин настаивает на том, что «исторически первым и массовым проявлением интеркультурализма был советский интернационализм. Есть очень весомый индикатор практической эффективности этой системы. Известно, что высшим проявлением

³³ *Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В.* Региональные модели государственной национальной политики современной России. С. 37.

³⁴ *Арутюнова Л. В.* Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. С. 8.

³⁵ *Вестник содружеств социологических ассоциаций.* 1993. № 2. С. 10.

³⁶ *Паин Э.* К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. URL: <http://demaogy.ru/pain/blog/2011-03-05/kvoprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe> (дата обращения 02.07.2016).

готовности к межкультурному сотрудничеству является готовность людей к вступлению в брак с представителями другой культуры. Так вот, в СССР доля межэтнических браков была в несколько раз выше, чем в Российской империи, и существенно выше, чем в современной России, не говоря уже о других постсоветских государствах, в которых этот показатель неуклонно ежегодно сокращается вот уже 20 лет»³⁷.

Результаты исследования социологов – Ю. А. Арутюняна, А. О. Бороноева, Ю. В. Бромлея, Л. М. Дробижевой – по изучению межнационального общения, интернациональному сознанию молодежи свидетельствовали об отсутствии напряженности в межэтнических отношениях³⁸. Результатом интернационального воспитания граждан стало то, что в выстраивании межличностных отношений этнический признак не доминировал. Так, О. С. Чекалева пишет, что по результатам опросов в 1988 г. в Северо-Кавказском регионе большинство респондентов ответили, что в многонациональном коллективе учиться лучше³⁹.

Вклад интернационального воспитания в реализацию грандиозных планов по всесоюзным стройкам невозможно переоценить и сейчас. За период существования СССР в 1922–1982 гг. объем промышленной продукции Казахстана вырос в 938 раз, Таджикистана – более чем в 898 раз, Киргизии – более чем в 712 раз, Узбекистана – почти в 730 раз, Туркмении – более чем в 209 раз.

Интегрирующей силой выступала партия, ослабление которой обусловило и усиление дезинтеграционных тенденций вследствие попыток этнономенклатурной элиты «наполнить реальным содер-

³⁷ Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе.

³⁸ Интернационализм советского народа (история и современность) / Отв. ред. В. П. Шерстобитов. М.: Наука, 1982. 582 с.; Теория и практика развития социалистических наций / Под ред. Т. Ю. Бурмистровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.; Развитие национальных отношений в СССР. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. 173 с.; Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик / Отв. ред. В. П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. 348 с.; Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М.: Знание, 1987. 64 с., и др.

³⁹ Чекалева О. С. Диалектика формирования интернационалистского сознания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1990. С. 12.

жанием формальный и мнимый суверенитет своих республик»⁴⁰. Результатом этих попыток стала серия протестных выступлений на этнической почве в 1986 г.: в Алма-Ате, Якутии, Азербайджане, Армении, в Прибалтике, Узбекистане, Киргизии, Грузии и Южной Осетии⁴¹.

И хотя политики по-прежнему продолжали утверждать, что при социализме культура играет определенную роль в системе регулирования общественных; отношений, в частности национальных отношений, но, как показала история, отнюдь не главную. Ю. В. Бромлей писал в те годы: «...при всей многообразности этого обсуждения его стержнем в конечном счете является вопрос о соотношении национального и интернационального в жизни нашего общества»⁴². Выступление М. С. Горбачева положило конец спору о доминанте: «...источник нашей силы – в свободном развитии национальных культур, обогащенных духовным опытом братских народов и всего человечества... Мы должны всячески способствовать дальнейшему расширению контактов национальных культур, их взаимному обогащению, их подъему и расцвету»⁴³. Эти фразы были расценены как призыв к этническому ренессансу и пересмотру иерархии идентичностей гражданами страны.

Реализация концепции интернациональной политики, ставшей продолжением развития идеи мультикультурного сообщества в Византии⁴⁴, имела в принципе схожий со своей предшественницей последний этап существования – рост властных амбиций этнономклатурной элиты, ослабивший целостность страны и приведшей ее к дезинтеграции и развалу. Наш вывод созвучен мнению Э. Паина

⁴⁰ Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе.

⁴¹ Байтенова Н. Д. Диалектика национального и интернационального как методологический принцип исследования современных этнических процессов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1991. С. 13.

⁴² Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа «за круглым столом» // История СССР. 1987. № 6. С. 52.

⁴³ Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 20.

⁴⁴ Абрамова М. А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция межэтническими и моноэтническими типами семей.

о том, что причиной распада стали маневры соперничающих политических элит, а не массовые националистические движения⁴⁵.

Таким образом, идеальная конструкция мультикультурного общества, реализованная в Советском Союзе и поддержанная многочисленным полиэтничным населением, потомки которого до сих пор с ностальгией вспоминают свое интернациональное прошлое (маевки, студенческие отряды, возможность свободного дружеского общения и т.п.), разбилась о взращенных в недрах все той же коммунистической партии амбициях этнономенклатурной элиты.

Все чаще стали озвучиваться идеи о несоответствии модели национальной политики, основанной на теории слияния наций, потребностям и запросам самих наций. Сложившаяся административно-командная система изжила себя, а механизма национальной политики, который бы не допускал отклонений и нарушений в сочетании национального и интернационального, готового реагировать на потребность каждого региона в отдельности и Союза в целом, не существовало. В такой ситуации стала формироваться политическая арена для деятельности экстремистских и националистических группировок, формирующих у значительной части населения сомнения в успехе начатых преобразований и способных со временем привести к межнациональным конфликтам.

На пленумах ЦК КПСС 80-х гг. XX века часто стал подниматься национальный вопрос. Так, на январском (1987 г.) пленуме было зафиксировано, что ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, нередко выхолащивалась глубина их теоретической значимости, что привело к недостаточно адекватной их реализации в практике регулирования национальных отношений⁴⁶.

На специально посвященном национальной политике пленуме ЦК КПСС (сентябрь, 1989) было отмечено: «Рост национального самосознания пробуждал интерес к истории своего народа, его культурным ценностям и традициям. Однако удовлетворению этих потребностей мешали теоретические установки на форсированное

⁴⁵ Терборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 63.

⁴⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М., 1987.

сближение наций, утверждение о якобы полной к окончательной решенности национального вопроса»⁴⁷. В результате пленумом ЦК КПСС была поставлена задача: через обновленную федерацию, наполнив ее «новым политическим и экономическим содержанием, обеспечить удовлетворение многообразных потребностей всех советских наций, чтобы каждая из них получила широкие возможности для подъема своей экономики и культуры в опоре на созданный в нашей стране народнохозяйственный комплекс, научный и культурный потенциал»⁴⁸.

В 1990-х гг. в исследованиях философов, социологов и педагогов еще делаются попытки внесения корректировок в трактовку интернационального, чтобы зафиксировать саму идею и то лучшее, что позволяло разным этническим группам объединить свои усилия в строительстве единого государства. Так, в работе В. В. Иванова находим следующую интерпретацию интернационализации: «объективный исторический процесс усиления взаимозависимости и формирования общих черт национально-государственных образований во всех сферах жизнедеятельности общества, проявление в нем интегративной тенденции мироустройства»⁴⁹. А Н. Л. Гезердава делает вывод, что «интернациональное вырастает из национального на основе его развития и взаимодействия с инациональным в результате подъема национального до уровня межнационального», и такое «ленинское понимание диалектики интернационального и национального должно стать основой современной государственно политики»⁵⁰. Ю. В. Попков отмечает, что «интернационализация представляет собой процесс рефлексивного взаимодействия национальных общностей..., результатом которой становится фор-

⁴⁷ Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // Правда. 1989. 24 сент.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Иванов В. В.* Интернационализация и социально-политический плюрализм в решении проблемы европейской безопасности (социально-философский анализ). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 14.

⁵⁰ *Гезердава Н. Л.* Взаимодействие национальных и интернациональных процессов в СССР на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. С. 11.

мирование цивилизаций»⁵¹. Но таких работ становилось все меньше, а «развенчивающих мифы советской идеологии» все больше.

Исследователи причин краха идеи интернационализма в СССР находят объяснение этому в недостаточном внимании к глубинным этническим процессам, которые шли в течение всей истории страны внутри регионов. За погоней к светлому будущему управленцы недостаточно обращали внимание на искажение идей, которые находили на местах новые формы, иногда очень далекие от первоначального содержания. «Общее» все больше и больше отдалялось от реальности, а «особенное» приобретало уродливые формы, искажающие само содержание интернационального воспитания. Высказывания представителей титульных этносов в 80-х годах XX в. в отношении славянского населения о том, что их никто не приглашал приезжать в национальные республики, становилось все более частым явлением. О. Д. Валкогорова и И. В. Татаренко, описывая сепаратистские процессы 90-х гг. XX в. в Российской Федерации, отмечают, что «многие агрессивные националистические движения винят за ошибки в национальной политике не власть, а русских, делая из них “оккупантов”, “нахлебников” и т. д.»⁵².

Следует также отметить, что на первых порах провозглашенного строительства новой жизни народы СССР стремились объединиться, сплотиться, то есть дружно решать политические, экономические, культурные, социальные проблемы, оказывать друг другу помощь. Эти позитивные моменты в национальной политике по известным причинам в последние годы размывались, что привело к возникновению на месте Советского Союза независимых государств⁵³.

⁵¹ Попков Ю. В. Интернационализация как социальный феномен: общее и особенное. С. 14–15.

⁵² Цит. по: Валкогорова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 152. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/232/947/1219/2001_n2_p149-166.pdf (дата обращения 06.10.2016).

⁵³ Буриев Н. А. Взаимодействие национального и интернационального в культуре межнационального общения. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1991. С. 8.

Исследования в области этносоциологии 90-х гг. XX в.⁵⁴ зафиксировали быстрый темп роста солидарности представителей титульных этносов, основу которой составляли требования восстановления языка и культуры титульного народа, поддержка и даже попытки создания собственной религии, реабилитация истории и мифологизация подвигов народных героев, репрессированных в СССР.

Как это ни странно, но ситуация, создававшаяся к концу 1980–х гг. в СССР, в точности повторила историю межэтнического взаимодействия и национальной политики большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.), описанную Е. М. Соловьевым: «Связанное с падением монархии ослабление центральной власти повлекло за собой не столько дальнейшее формирование национального самосознания народов бывшей империи, сколько оформление бытового, а также радикального политического национализма и, в конечном счете, рост настроений сепаратизма, стремления выйти из общероссийского пространства. На пространстве агонизировавшей империи повсеместно возникали националистические движения, формировались по национальному признаку политические партии, объявляли о своей самостоятельности прежде входившие в состав русских губерний этнические анклавы. В условиях все более слабеющего центра, неопределенности перспектив развития страны на национальных окраинах усилились центробежные процессы, направленные на создание собственных автономных и даже независимых государственных образований»⁵⁵.

⁵⁴ См.: Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. Отв. ред. Л. М. Дробижера. М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1994. 236 с.; Конфликтная этничность и этнические конфликты. / Отв. ред. Л. М. Дробижера. М., 1994. 177 с.; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М.: ИЭА, 1995. 299 с.; Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижера. М.: Ин-т социологии, 1998. 385 с.; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижера. М.: Academia, 2002. 480 с.

⁵⁵ Соловьев Е. М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 11.

Исследователь приводит свидетельства А. И Деникина, проехавшего по Владикавказской дороге: «Разъединение у нас идет и на почве областного и национального сепаратизма... – вот она картина лоскутной жизни»⁵⁶. Вместе с тем, точно так же, как и в конце 80-х гг. XX века, ослабление центра привело не только к процессам этнонационального размежевания, но и к политической консолидации возникших национальных образований.

Как и в 90-е гг. XX в., большинство народов России в 20–е гг. не стремились выйти из состава единого государства. Обострению межнациональных конфликтов объективно способствовали лишь усиливающиеся этнонациональные элиты, создававшие политические и национально-территориальные объединения и от их имени выступавшие все «с более серьезными претензиями в адрес центральной и региональных властей, а также других этнических групп, протестуя против действий, по их мнению “несовместимых с их настроением и обязанностями”»⁵⁷.

Тем не менее, термин «мультикультурализм» оказался востребованным и в «трансформирующемся» постсоветском пространстве, где был «подхвачен интеллектуалами по заказу местных этнократий и стал лозунгом определенных групп, формирующихся в качестве “до сих пор угнетаемых”, и в условиях всеобщего передела включившихся в борьбу за перераспределение власти и ресурсов и за обоснование новых границ»⁵⁸. Полагаем, что в этом этносы постсоветской России несколько не отклонились от тех примеров проявления «стигматизированной идентичности», которые имели место во многих трансформирующихся обществах, использующих другой контекстуальный фон применения термина мультикультурализм как знамени борьбы за свои права наравне с правами титульных народов. Так, С. Бенхабиб отмечает, что многие страны «капиталистической демократии вплетены в типичные столкновения, возникающие по

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2 Д. 4 Л. 6. Д. 31. Л. 5.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р.2599. Оп. 1. Д.26. Л. 470; Цит. по: *Соловов Е. М.* Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.). С. 11.

⁵⁸ *Орлова И. Б.* Конструирование этнического образа России. М.: ИЦИ ИСПИ РАН, 2005. С. 54.

поводу перераспределения и признания...того иного аспекта их культурной идентичности, соперничают между собой в публичной сфере»⁵⁹. В результате в конце XX в. произошло утверждение истории субнациональных и расовых меньшинств, а значимость национальной истории, по мнению С. Хантингтона, существенно снизилась: «Однако, если вспомнить определение нации как воображаемого сообщества, наделенного коллективной памятью, можно сказать, что люди, теряющие коллективную память, превращаются в нечто менее грандиозное, нежели нация»⁶⁰.

Отдаленным результатом политики «коренизации» стала сформированная, независимая политическая элита, получившая прекрасное образование, прошедшая суровую закалку партийной школой. Именно она, объединив силы с интеллигенцией, на волне наполнения новыми смыслами федерации и усиления тенденции по децентрализации власти в стране, идеологически обосновала концепции суверенитетов республик, отражавших не столько интересы народа, сколько политические и экономические права элит на ресурсы. «Извиняющийся тон» в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, появившейся лишь в 1996 г., лишь упрочил позиции правящих элит в республиках: «На развитие межнациональных отношений оказывает существенное влияние наследие прошлого. Тяжелый удар по всем народам страны, включая русский, был нанесен тоталитарной системой, массовыми депортациями и репрессиями, разрушением многих национальных культурных ценностей. Наряду с достижениями в развитии и сотрудничестве народов, которые имелись в советский период, проводился курс на унификацию, заложивший основу нынешних противоречий»⁶¹.

⁵⁹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер с англ. / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.

⁶⁰ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности: Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзит-кига», 2004. С. 277.

⁶¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996. № 909. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051>. (дата обращения 24.04.2017).

Таким образом, в Концепции было официально зафиксировано, что критика в адрес партийного руководства страны бывших Советов представителями этнической правящей элиты и интеллигенции была услышана. Тактика соглашения с ней, а также отрицания всего лучшего, что было создано в рамках политики интернационализации и идеологии интернационального воспитания, позволила предать забвению достижения прежних лет. Вместо концепции мультикультурного общества на первое место была выдвинута идея поликультурного множества этнических групп, основой взаимодействия которых стало лишь сотрудничество на договорных условиях: «На государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный взгляд на национальный вопрос», вследствие чего фактически давалась полная свобода: для реализации прав и свобод граждан, которая «может осуществляться на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения народов в Российской Федерации с учетом разрозненного проживания многих народов на ее территории»⁶².

Обострение экономических, социальных и политических противоречий вывело на поверхность противоречия национальные и этнические, проявившиеся в развитии сепаратистских настроений, демонстрировавшихся территориальных претензий, попытках однобокого толкования исторического опыта взаимоотношений наций и народностей, обвинений целых наций и республик в изживенчестве, осуждении межнациональных браков, разработке образовательных программ, акцентировавших внимание на изучении культуры и истории отдельных регионов и этнических групп др.

Особо важно отметить, что политические дискуссии и длительный процесс разделений полномочий федерального центра и региональной власти стали транслироваться системой образования и культуры. Массированное зомбирование сознания нового поколения россиян многочисленными фильмами, развенчивающих мифы о подвигах героев времен Отечественной войны, акцентирующих внимание на репрессиях сталинского режима уже к концу XX в.

⁶² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации от 15.06.1996. № 909.

сформировали новое поколение людей, почитающих западные ценности и ненавидящих «совковое» прошлое, которое тем не менее было пронизано идеей интернационального воспитания. Таким образом, косвенно отвергалась и сама идея единства народов в России.

Переориентация на западные ценности обусловила в России инверсию базовых принципов социальной организации общества, вовлекшей все слои населения в адаптивный и дезадаптивный процессы, динамизм которых создала ситуация открытости аксиологической системы. По сути как молодое поколение, не помнящее уже советское прошлое, так и пожилое, дезадаптированное потерей идеалов, ради которых оно прошло через многие лишения, оказались в точке пересечения нескольких идентификационных полей культуры: традиционной и современной, этнической и мультикультурной, патриархальной и феминистской, профессиональной и семейно-бытовой и т.д. И в каждом из них происходило формирование новой иерархии ценностей, обусловленной оппозицией аксиологических форм сознания и деятельности к рационализированным формам освоения действительности. Шла активная переоценка нравственных и материальных ценностей. Стремительный отказ от идеологии советского прошлого старательно подпитывался идеями о пользе этнонационализма, который лег в основу новой идеологии *суверенизации*.

Таким образом, Россия в конце XX века фактически повторила практику осуществления модели мультикультурализма Западной Европы, основанной на идее нации не как этносоциокультурной общности, а как поликультурной с оппозицией титульной и «других» этносоциальных групп и получила аналогичный результат – атомизацию страны.

Но под натиском глобализации, размывающей этнические границы, унифицирующей национально-традиционное катком мировых стандартов и распространения сети интернет, получившие государственность локальные сообщества вновь вспомнили о ценности единства и сплочения, важности существования «объективного» основания национальной культуры (от понятия «нация»), оказывающего универсализирующее воздействие на жизнь социума, которое могло бы являться цементирующим ядром, консолидирующим различные этнические группы в стране. К концу 90-х гг. XX в. стали появляться работы в области политологии, этносоциологии, педаго-

гики, уже не отличающиеся стремлением к кардинальным изменениям и резкой критикой советского прошлого. Они вполне взвешенно и системно представляли компромиссную политику большевиков в национальном вопросе, их достаточно гибкую позицию по отношению к национальным и даже националистическим движениям, решению кадрового вопроса с привлечением на службу и получением образования представителей этнических групп.

Видя результаты «парада суверенитетов», многие идеологи возврата к этническому, спустя десятилетия, в начале XXI в. вновь обращаются к прогрессивной идее интеграции и возврату фактически к политике интернационализма (или мультикультурализма). Конечно, не прибегая к дискредитированным политиками терминам.

Пережив последствия введения суверенитета, республики в начале XXI в. столкнулись с новыми трудностями. Постсоветские реформы привели к деградации традиционного хозяйства, массовой миграции сельского населения в города, к безработице, развалу промышленности. Разрушение системы образования обусловило падение его качества по всем уровням, а уничтожение начального и среднего профессионального образования привело к переизбытку кадров с высшим образованием, которые остаются без рабочих мест. Неконтролируемые миграционные потоки в крупные города России, без продуманной политики по инкультурации приезжающих⁶³, еще более усложнив этническую и цивилизационную картину, обострили ситуацию межэтнических отношений.

В этой связи попытки интерпретации мультикультурализма как интеграционной стратегии, которая предполагает «открытость для иноэтнических мигрантов и создание условий для их интеграции»⁶⁴, представляется нам неточно отражающей российскую модель, которая в первую очередь была ориентирована на интеграцию народов, исконно проживающих на территории страны. Мы полагаем, что подобные интерпретации скорее обусловлены пониманием

⁶³ *Мирошник А. Н.* Инкультурация мигрантов как способ преодоления межэтнических конфликтов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2015. 26 с.

⁶⁴ *Щедрин О.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 71.

мультикультурализма в контексте западной либеральной модели, созданной национальными государствами, как стратегии интеграции мигрантов из их бывших колоний.

В отношении политики организации внешнего взаимодействия российская модель мультикультурализма близка к индийской, философию которой очень четко сформулировал Махатма Ганди, сказав, что он мечтает, чтобы «ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног»⁶⁵. Таким образом, он предсказывал крах государствам и цивилизациям, в которых не будет стремления к единству народов: «Цивилизация, вероятно, уничтожит себя, если она не откажется от империалистических, стяжательских тенденций и не будет основываться на мирном сотрудничестве свободных наций и на поддержании достоинства человека»⁶⁶.

С 2000-х гг. в России начался новый период политической истории, который характеризуется перераспределением баланса политических сил в сторону федерального центра. Совершенствуются правовая база и правоприменительная практика в сочетании с внедрением мультикультурных принципов в деятельности государственных структур, непосредственно взаимодействующих с населением. Э.А. Паин отмечает заметное уменьшение в республиках проявлений сепаратизма, смещение лидеров национального движения с политической арены⁶⁷. В результате произошло отделение принципов этнического самоутверждения от вопросов государственного строительства, что ряд исследователей рассматривает как серьезное достижение демократии и тенденцию к усилению федерального центра, что в целом будет способствовать укреплению общероссийской государственной идентичности⁶⁸.

⁶⁵ Горев А. Махатма Ганди. М.: Международные отношения, 1989. 376 с.

⁶⁶ Там же. С. 17.

⁶⁷ Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 3.

⁶⁸ Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28; Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. С. 6–7.

Данный факт, а также социально-политическая и экономическая ситуация в стране потребовали разработки новых программных документов по гармонизации межнациональных отношений, новых образовательных программ, ориентированных на формирование культуры межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Централизация власти изменила саму процедуру их разработки. Если Концепция национальной политики РФ возникла в 1996 г. как ответ на концепции республик, то в Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» дана рекомендация органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления руководствоваться положениями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года при осуществлении своей деятельности в этой сфере»⁶⁹.

Также в самой Стратегии зафиксировано, что она «основывается на принципах построения демократического федеративного государства, служит основой для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления (далее также – государственные и муниципальные органы), их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур»⁷⁰.

В разработанной в 2013 г. федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное разви-

⁶⁹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 26.04.2017).

⁷⁰ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 02.04.2017)

тие народов России»⁷¹ уже есть более четкие указания на те проблемы, с которыми важно и нужно работать в ближайшие 6–7 лет: слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации; рост националистических настроений в среде различных этнических общностей; рост числа внешних трудовых мигрантов и их низкая социокультурная адаптация к условиям принимающего сообщества; недостаточная координация как на федеральном, так и на региональном уровне использования ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение (при высоком российском стандарте защиты языковых и культурных прав народов России) неудовлетворенности в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав и др.

Таким образом, решению перечисленных проблем должно способствовать появление новых программ, усиливающих патриотическое воспитание и способствующих гармонизации межнациональных отношений в России. Акценты с формирования этнической самоидентификации индивида смещаются в сторону гражданского воспитания. При этом Л.М. Дробижева⁷² отмечает, что хоть этничность остается значимым феноменом повседневности, но, согласно Ф. Барту, обретает свое существование лишь в пределах и на границах этнических групп⁷³, что обеспечивает социальную организацию культурных различий, формирование культурной самобытности и перестает подменять процессы государственного строительства. В этом и проявляется специфичность российской

⁷¹ О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 02.04.2017).

⁷² Дробижева Л. М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 9.

⁷³ Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The Social Organizations of Culture Difference / Reprint. 1982. Bergen; Oslo, 1969. P. 30.

модели мультикультурализма, базирующейся на диалогической рациональности признания права индивида быть иным в ответ на соблюдение им условий сосуществования в государстве и принятия коллективной идентичности. Ч. Тэйлор обосновывает ценность формирования сильной коллективной идентичности граждан для развития современного демократического государства: «участие народа “как совещательного единства” в политическом управлении предполагает сильную национально-гражданскую интеграцию и солидарность»⁷⁴.

Обозначенная стратегия программы демонстрирует переход от ситуативной и бессистемной поддержки отдельных мероприятий, в том числе и в системе образования, различными субъектами Российской Федерации к проектно-целевому финансированию проектов и комплексов мероприятий в сфере государственной национальной политики, что является свидетельством еще более усиливающейся тенденции к централизации управления процессом формирования межнационального согласия. Таким образом, в программе отражено, что гармонизация межэтнических отношений становится теперь не только задачей, решаемой каждым субъектом России в отдельности, актуализируемой после очередных локальных конфликтов, но задачей правительства России.

Список литературы

Абрамова М. А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция межэтническими и моноэтническими типами семей. Новосибирск: Параллель, 2016. 184 с.

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Региональные модели государственной национальной политики современной России: В 2 ч. / Под. ред. Ю. В. Попкова Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. I. 176 с.

⁷⁴ Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 18.

Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991 / 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Арутюнова Л. В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

Байтенова Н. Д. Диалектика национального и интернационального как методологический принцип исследования современных этнических процессов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1991.

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.

Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М.: Знание, 1987. 64 с.

Буриев Н. А. Взаимодействие национального и интернационального в культуре межнационального общения. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1991.

Вестник содружеств социологических ассоциаций. 1993. № 2.

Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С 152. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/232/947/1219/2001_n2_p149-166.pdf (дата обращения 06.10.2016).

ГАРО. Ф. Р.2599. Оп. 1. Д.26. Л. 470.

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2 Д. 4 Л. 6. Д. 31. Л. 5.

Гезердава Н. Л. Взаимодействие национальных и интернациональных процессов в СССР на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991.

Глезерман Г. Е. В.И. Ленин о формирования социалистического образа жизни // Коммунист. 1974. № 1. С. 18–26.

Гончарова В. И. Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев: Наук. думка, 1978. 151 с.

Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М., 1988.

Горев А. Махатма Ганди. М.: Международные отношения, 1989. 376 с.

Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. № 2. Ст. 22. 14.06.1990. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/9038679](http://docs.cntd.ru/document/9038679) (дата обращения 12.04.2017).

Денцигхауз В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 734 с.

Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28.

Дробижева Л. М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 3–13.

Еремей Г. И. Интернационализация духовной жизни в условиях развитого социализма. М.: Мысль, 1981. 160 с.

Иванов В. В. Интернационализация и социально-политический плюрализм в решении проблемы европейской безопасности (социально-философский анализ). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.

Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1979. 151 с.

Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы / Под ред. Е.М. Бабосова. Минск: Беларусь, 1977. 173 с.

Интернационализм советского народа (история и современность) / Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1982. 583 с.

История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 гг.: в 2 т. / Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 423 с.

История Советской Конституции (в документах) 1917–1956. М.: Госюриздат, 1957. 1046 с.

Каракеев К. К., Копылов И. Я., Саликов Р. А. Проблемы управления строительством Советского многонационального государства. М.: Наука, 1982. 366 с.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: [http:// constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/](http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/) (дата обращения 02.07.2016).

Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1994. 177 с.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909. URL: [http:// www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051](http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051). (дата обращения 24.04.2017).

Кочесоков П. Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1990.

Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М.: Мысль, 1972. 564 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.

Мархинин В. В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. Новосибирск, 1989. 239 с.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М., 1987.

Мирошник А. Н. Инкультурация мигрантов как способ преодоления межэтнических конфликтов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2015. 26 с.

Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // Правда. 1989. 24 сент.

Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик / Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. 348 с.

Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа «за круглым столом» // История СССР. 1987. № 6. С. 20–89.

О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: [http:// government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf](http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf). (дата обращения: 02.04.2017).

Орлова И. Б. Конструирование этнического образа России. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. 68 с.

Паин Э. К. вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. URL: http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k_voprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe (дата обращения 02.07.2016).

Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 328 с.

Паутов В. Н. Развитой социализм: процессы интернационализации. М.: Изд-во МГУ, 1981. 87 с.

Попков Ю. В. Интернационализация как социальный феномен: общее и особенное: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999.

Развитие национальных отношений в СССР. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. 173 с.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / Сост.: Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Деннингхаус, Дж. Кадио, М. Ю. Прозуменщиков, Л. А. Роговая, А. Е. Свенцицкая, Дж. Смит, Е. В. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2013. 952 с.

Соловов Е. М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т социологии, 1998. 385 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 02.04.2017)

Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М.: ИЭА, 1995. 299 с.

Теория и практика развития социалистических наций / Под ред. Т.Ю. Бурмистровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.

Терборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 50–67.

Терехов О. С. Динамика межэтнических конфликтов в XX веке: социально-философский и теоретико-исторический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 11–37.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 26.04.2017).

Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2008.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности: Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

Харнахоев В. Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1988.

Хмелевский К. А. Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. // Советы национальных районов России 1917–1922 гг. Рига: Зинатне, 1985. С. 102–114.

Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1994. 236 с.

Чекалева О. С. Диалектика формирования интернационалистского сознания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1990.

Широкова И. А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири): Дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984.

Щедрина О. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–74.

Якутия: век XX (1917–2000 гг.). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2001. 154 с.

Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The Social Organizations of Culture Difference / Reprint. 1982. Bergen-Oslo, 1969. Pp. 9–38.

Jones E., Grupp F. W. Measuring nationality trends in the Soviet Union: a research note // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 1. Pp. 112–122.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ динамики концептуализации сообществ – от базовой концепции Ф.Тенниса до современных концепций сообщества как сети или группы, межэтнического сообщества и сельского локального сообщества – позволяет заметить как расширение, так и углубление содержания предмета исследования в зависимости от объекта и теоретико-методологической позиции, мировоззренческих установок авторов. При всем многообразии подходов к пониманию сообществ в отечественной и зарубежной социогуманитарной науке сохраняется некий общий консенсус, заданный Ф. Теннисом: сообщество – это группа людей, наиболее тесно взаимодействующих друг с другом и разделяющих определенные ценности.

Российским исследователям сельских локальных и межэтнических сообществ свойственен больший акцент на «коммунальную», а не на «ассоциированную» сторону формируемых в сообществах отношений, на тенденции к интеграции – внутри сообществ и сообществ в более широкое общество, на выделении и исследовании факторов их интеграции и дезинтеграции.

Конкретные социологические исследования в регионах Сибири показали, что социокультурная динамика в межэтнических сообществах различается в разных сферах их жизнедеятельности: экономической, социальной, культурной, духовной. Если в экономической и социальной сферах постсоветские трансформации привели скорее к дезинтеграции, а не интеграции сообществ, то в культурной и духовной сферах сохраняется положительная динамика межнациональных отношений и взаимная этническая комплиментарность. Аналогичный вывод следует из анализа динамики социокультурных процессов в сельских локальных сообществах, позволяющий считать село по-прежнему «интеграционным капиталом» для России, несмотря на «реформы», приведшие к дезинтеграции его экономики и социальной сферы.

Основными дезинтегрирующими факторами для России и ее сообществ могут быть названы:

- 1) дисбаланс в политике федеральных и региональных (местных) властей;

2) диспаритет в формировании этнической и общероссийской идентичностей;

3) высокая степень социального и этнического неравенства;

4) неразвитость местного самоуправления и гражданского общества.

Сравнительный анализ концепций интернационализации и мультикультурализма как социально-философских оснований национальной политики в полиэтничных обществах и межэтнических сообществах показал, что как в первой, так и во второй концепциях недостаточно учитывалась диалектика центростремительных и центробежных тенденций, возникающих в процессе взаимодействия государства и этнических элит, приводящих к усилению ассимиляционных или сепаратистских процессов. Этот факт во многом обусловил распад СССР, а в современной России стал фактором обострения межэтнических отношений как в стране в целом, так и в отдельных сообществах.

В представленной монографии, по нашему мнению, приводится много интересных концептуальных, теоретических и методических подходов, эмпирических фактов, показателей динамики сообществ, которые позволяют лучше понять их развитие и находить оптимальные решения при регулировании социокультурных процессов, стимулируя интеграционные и предупреждая дезинтеграционные аспекты.

ОБЩИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция межэтническими и моноэтническими типами семей. Новосибирск: Параллель, 2016. 184 с.

Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Динамика социокультурных процессов в межэтническом сообществе современной Хакасии // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 137–148.

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Региональные модели государственной национальной политики современной России: В 2 ч. / Под ред. Ю. В. Попкова Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. I. 176 с.

Академик Аганбегян: кризис в России длится четверть века // Наука в Сибири. 19 окт. 2017 г. № 41. С. 7.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991 / 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.

Арутюнова Л. В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

Ахиезер А. С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. №1. С. 3–57.

Байтенова Н. Д. Диалектика национального и интернационального как методологический принцип исследования современных этнических процессов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1991.

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.

Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М.: Знание, 1987. 64 с.

Буриев Н. А. Взаимодействие национального и интернационального в культуре межнационального общения. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1991.

Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88.

Великий П. П. Трансформация социокультурного пространства села // Российское село в условиях глобальных вызовов. Уфа: БАГСУ, 2014. С. 114–122.

Вестник содружеств социологических ассоциаций. 1993. № 2.

Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 152. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/232/947/1219/2001_n2_p149-166.pdf (дата обращения 06.10.2016).

Всероссийская перепись населения 2010. Т.4. С. 10–11. Табл. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 08.06.2017).

ГАРО. Ф. Р.2599. Оп. 1. Д.26. Л. 470.

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2 Д. 4 Л. 6. Д. 31. Л. 5.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.

Гезердава Н. Л. Взаимодействие национальных и интернациональных процессов в СССР на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991.

Глезерман Г. Е. В.И. Ленин о формирования социалистического образа жизни // Коммунист. 1974. № 1. С. 18–26.

Гончарова В. И. Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев: Наук. думка, 1978. 151 с.

Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М., 1988.

Горев А. Махатма Ганди. М.: Международные отношения, 1989. 376 с.

Гринберг Р. С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2016. 160 с.

Гусейнова А. Ф. Особенности билингвизма хакасской молодежи в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч 1. С. 65–68.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.

Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. № 2. Ст. 22. 14.06.1990. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/9038679](http://docs.cntd.ru/document/9038679) (дата обращения 12.04.2017).

Денпигхауз В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 734 с.

Добреньков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005. 704 с.

Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 16–28.

Дробижева Л. М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность* / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 3–13.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология*. М.: Канон+, 1998. С. 9–68.

Еремей Г. И. Интернационализация духовной жизни в условиях развитого социализма. М.: Мысль, 1981. 160 с.

Ерохина Е. А. Межэтнические сообщества: проблема атрибуции // *Сибирский философский журнал*. 2017. Т. 15. № 3. С. 86–96.

Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // *Философия образования*. 2015. № 1. С. 165–177.

Зазулина М. Р. Местное самоуправление в условиях становления новой системы власти на селе // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия*. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 132–139.

Зазулина М. Р. Практики самоорганизации сельских сообществ изменяющейся России // Российское село в условиях глобальных вызовов. Уфа: БАГСУ, 2014. С. 236–241.

Зазулина М. Р. Сообщество как предмет исследования социальных наук: стратегия изучения, сравнения, проблемы // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 124–137.

Заславская Т. И. Социальные результаты реформ и задачи социальной практики // Куда идет Россия?... Трансформация социальной среды и социальная политика / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 3–15.

Заславская Т. И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 93–110.

Зубок Ю. А. Интеграция социальная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 374–375.

Иванов В. В. Интернационализация и социально-политический плюрализм в решении проблемы европейской безопасности (социально-философский анализ). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.

Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1979. 151 с.

Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы / Под ред. Е.М. Бабосова. Минск: Беларусь, 1977. 173 с.

Интернационализм советского народа (история и современность) / Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1982. 583 с.

История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 гг.: в 2 т. / Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 423 с.

История Советской Конституции (в документах) 1917–1956. М.: Госюриздат, 1957. 1046 с.

Калугина З. И. Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 602–615.

Каракеев К. К., Копылов И. Я., Саликов Р. А. Проблемы управления строительством Советского многонационального государства. М.: Наука, 1982. 366 с.

Карамчакова И. Р. Этносоциальные процессы в Хакасии в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2010.

Карпов Г. А. Британский мультикультурализм: Мина замедленного действия? // Азия и Африка. 2012. №5. С.26–32.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: [http:// constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/](http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/) (дата обращения 02.07.2016).

Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1994. 177 с.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909. URL: [http:// www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051](http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051). (дата обращения 24.04.2017).

Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С. и др. Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. 262 с.

Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Взаимосвязь типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 105–111.

Кочесоков Р. Х. Критический анализ советологических исследований интернационализации образа жизни народов СССР. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1990.

Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М.: Мысль, 1972. 564 с.

Латин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17.

Латин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6–23.

Латин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 194 с.

Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // СОЦИС. 2011. № 9. С. 3–17.

Лапин Н. И. Территориальные сообщества и общности: рост социокультурного потенциала и его дисбалансы // Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. С. 652–691.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 202–205.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.

Мархинин В. В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 262 с.

Мархинин В. В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. Новосибирск, 1989. 239 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. у-та. Серия: Философия. 2014. Т.12, вып. 1. С. 70–78.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика взаимодействия культур. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М., 1987.

Мирошник А. Н. Инкультурация мигрантов как способ преодоления межэтнических конфликтов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2015. 26 с.

Мультикультурное общество, мультикультурализм. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/MULTIKULTURNOE_OBSHCHESTVO.html?page=0,2 (дата обращения 27.01.2015).

Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // Правда. 1989. 24 сент.

Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик / Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. 348 с.

Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа «за круглым столом» // История СССР. 1987. № 6. С. 20–89.

Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: инновации и традиции. Новосибирск: Сибир. Науч. изд-во, 2010. 302 с.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В., Зазулина М. Р., Мореханова М. Ю. Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 243 с.

О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>. (дата обращения: 02.04.2017).

Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 10–44.

Овчарова Л. Дорогие слуги // Аргументы и факты. 2013. 22 янв. № 21. С. 15.

Орлова И. Б. Конструирование этнического образа России. М.: ИИЦ ИСПИ РАН, 2005. 68 с.

Паин Э. К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе. URL: <http://demagogy.ru/pain/blog/> 2011-03-05/kvoprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v- Europe) (дата обращения 02.07.2016).

Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 328 с.

Паутов В. Н. Развитой социализм: процессы интернационализации. М.: Изд-во МГУ, 1981. 87 с.

Попков Ю. В. Интернационализация как социальный феномен: общее и особенное: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999.

Попков Ю. В. Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: <http://www.tuva.asia>.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. 2017. № 10. С. 7–19.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества в структуре регионального управления // Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 97–105.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия, 2013. Т.11. Вып. 2. С. 68–74.

Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этнос Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003. 128 с.

Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 472 с.

Развитие национальных отношений в СССР. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. 173 с.

Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сибир. науч. изд-во, 2008. 262 с.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

Самсонов В. В. Неформальный сектор сельской России и его динамика // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 119–129.

Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / Сост.: Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Деннингхаус, Дж. Кадио, М. Ю. Прозуменщиков, Л. А. Роговая, А. Е. Свенцицкая, Дж. Смит, Е. В. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2013. 952 с.

Соловов Е. М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны (1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Ин-т социологии, 1998. 385 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Academia, 2002. 480 с.

Староверов В. И. История и теория социологического анализа российской агросферы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. 436 с.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 02.04.2017)

Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М.: ИЭА, 1995. 299 с.

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 386 с.

Теория и практика развития социалистических наций / Под ред. Т. Ю. Бурмистровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.

Терборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 50–67.

Терехов О. С. Динамика межэтнических конфликтов в XX веке: социально-философский и теоретико-исторический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.

Тугужекова В. Н. Хакасский этнос на рубеже веков (конец XX – начало XXI вв.): Сб. статей. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 154 с.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. С. 11–37.

Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрина Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе) / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2010. 176 с.

Указ от 29 мая 2013 года № 2084 «О Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/473503180> (дата обращения 21.10.2016).

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 26.04.2017).

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 11.10.2016).

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499040473> (дата обращения 11.10.2016).

Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2008.

Хайдаров Р. Р. Межэтнические отношения и этническая идентичность в местном сообществе // Вестник экономики, права и социологии. 2011. №. 1. С. 242–245.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности: Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

Харнахоев В. Х. Национальное и интернациональное в духовной сфере советского образа жизни (на материалах развития народов Сибири): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1988.

Хмелевский К. А. Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. // Советы национальных районов России 1917–1922 гг. Рига: Зинатне, 1985. С. 102–114.

Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1994. 236 с.

Чекалева О. С. Диалектика формирования интернационалистского сознания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1990.

Чемякин Е. Ю. «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

Широкова И. А. Интернациональные черты социалистического образа жизни (на материалах осваиваемых районов Сибири): Дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984.

Шмаков В. С. Сибирское село: изменения или застой? // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 120–125.

Шмаков В. С., Нечипоренко О. В. Сибирское село в условиях реформ. Новосибирск: Параллель, 2008. 160 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

Щедрина О. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–74.

Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 9–20.

Яковлев А. Н. Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 5–15.

Якутия: век XX (1917–2000 гг.). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2001. 154 с.

Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The Social Organizations of Culture Difference / Reprint. 1982. Bergen; Oslo, 1969. Pp. 9–38.

Bebbington A. Capitals and capabilities: A framework for analyzing peasant viability, rural livelihoods, and poverty // World Development, 1999. № 27. Pp. 2021–2024.

Bel C., Newby H. Community Studies. London: Unwin, 1971.

Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1995. № 3. Pp. 99–112.

Bloch M. Feudal Society. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1961.

Bradshaw T. The post-place community: Contributions to the debate about the definition of community // Community Development. 2008. № 39. Pp. 35–46.

Brewer M. The social self: On being the same and different at the same time. *Personality and Social Psychology: Bulletin*. 1991. Pp. 475–482.

Bulmer M. The Rejuvenation of Community Studies? Neighbors, Networks and Policy // *Sociological Review*. 1985. № 33. Pp. 430–448.

Calhoun C. Community: Toward a Variable Conceptualization for Comparative Research // *Social History*. 1980. № 5. Pp. 105–129.

Coleman J. *The Adolescent Society*. New York: Free Press, 1961.

De Haan L., Zoomers A. Development geography at the crossroads of livelihood and globalization // *Journal of Economic and Social Geography*. 2003. № 94. Pp. 358.

De Haan L., Zoomers A. Exploring the frontier of livelihoods research // *Development and Change*. 2005. № 36. Pp. 27–47.

Delanty G. *Community* / 1st ed. Routledge, 2003.

Flint C., Luloff A. E., Thejdori G. Extending the concept of community interaction to explore regional community fields // *Journal of Rural Social Sciences*. 2010. № 25(1). Pp. 22–36.

Flora C. B., Flora J. L., Gasteyer S. P. *Rural communities: Legacy + change* (5th ed.). Boulder, CO: Westview Press. WV: West Virginia University, 2016.

Gans H. *The Urban Villagers*. New York: Free Press, 1962.

Goodsell T. L., Flaherty J., Brown R. B. *Community as moral proximity: Theorizing community in a global economy* // *Rural America in a globalizing world: Problems and prospects for the 2010*. Morgantown, WV: West Virginia University, 2014.

Gusfield J. R. *The community: A critical response*. New York: Harper Colophon, 1975.

Gutierrez-Montes I., Emery M., Fernandez-Baca E. The sustainable livelihoods approach and the community capitals framework: The importance of systems-level approaches to community change efforts // *Community Development*. 2009. № 40. Pp. 106–113.

Halfacree K. Locality and social representation: space, discourse, and alternative definitions of rural // *Journal of Rural Studies*. 1993. № 9. Pp. 23–37.

Hillery G. Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. 1955. № 20. Pp. 111–123.

Hoggart K. Let's do away with rural // *Journal of Rural Studies*. 1990. № 6. Pp. 245–257

Hollingshead A. Elmtown's Youth. New York: Wiley, 1949.

Janowitz M. The Community Press in an Urban Setting. Glencoe: Free Press. 1952.

Jones E., Grupp F. W. Measuring nationality trends in the Soviet Union: a research note // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. № 1. Pp. 112–122.

Kalin R., Berry J. W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // *Canadian Ethnic Studies*. 1995. № 27. Pp. 1–15.

Kaufman H. F. Toward an Interactional Conception of Community // *Social Forces*. 1959. № 38(1). Pp. 8–17.

Kearns R., Joseph A. Restructuring health and rural communities in New Zealand // *Progress in Human Geography*. 1995. № 32. Pp. 18–32.

Le Coadic R. Et Filippova Elena (dir.). Débats sur l'identité et le Multiculturalisme. M.: Institut d'ethnologie et d'anthropologie, Académie des sciences de Russie, 2005, Pp. 25–51. URL: [http:// hal.univ-brest.fr/docs/00/49/84/64/PDF/Le_multiculturalisme.pdf](http://hal.univ-brest.fr/docs/00/49/84/64/PDF/Le_multiculturalisme.pdf) (дата обращения 16.04.2015).

Leckie G. Continuity and change in the farm community: Brooke Township, Ontario, 1965-86 // *The Canadian Geographer*. 1989. № 33. Pp. 32–46.

Logan J., Molotch H. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.

Luloff A. E., Bridger J. Community Agency and Local Development // *Challenges for Rural America in the Twenty-first Century* / Edited by D. Brown and L. Swanson. University Park: Pennsylvania State University Press. 2003. Pp. 203–213.

Lynd R., Lynd H. Middletown in Transition. A study in cultural conflicts. New York: Harcourt Brace, 1937.

Lynd R., Lynd H. Middletown. A study in American culture. New York: Harcourt Brace, 1929.

Lyon L. The Community in Urban Society. Long Grove, Illinois: Waveland Press, Inc. 1999.

Matarrita-Cascante D., Brennan M.A. Conceptualizing community development in the twenty-first century // *Community Development*. 2012. № 43. Pp. 293–305.

Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, MA: Beacon Press, 1966.

Ramsey D., Annis B., Everitt J. Definitions and boundaries of community: the case of rural health focus group analysis in southwestern Manitoba // *Prairie Perspectives: Geographical Essays*. 2002. № 5. Pp. 187–201.

Ramsey D., Smit B. Impacts of changes in the flue-cured tobacco sector on farmers in Ontario, Canada // *Applied Geography*. 2001. № 21. Pp. 347–368.

Skocpol T. *States and Social Revolutions*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1979. 448 p.

Smith A. D. *The Ethnic Revival in the Modern World*. Cambridge, 1981.

Tajfel H. (Ed) *Differentiation between social groups*. London, 1978.

Warner W., Lunt P. *The Social Life of a Modern Community*. Yankee City Series. Vol. I. New Haven: Yale University Press, 1941.

Warren R. L. *The Community in America*. Chicago, 1978.

Wellman B. The community question: The intimate networks of East Yorkers // *American Journal of Sociology*. 1979. №5 (84). Pp. 1201–1231.

Wieviorka M. *La Différence*. Paris, 2001. 200 p.

Wilkinson K. P. A Field Theory Perspective for Community Development Research // *Rural Sociology*. 1972. № 37(1). Pp. 43–52.

Wilkinson K. P. Phases and Roles in Community Action // *Rural Sociology*. 1970. № 35(1) Pp. 54–68.

Wilkinson K. P. The Community as a Social Field // *Social Forces*. 1970. № 48 (3). Pp. 311–322.

Научное издание

М.А. Абрамова, М.Р. Зазулина, В.Г. Костюк

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ:
ПОДХОДЫ, ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Часть I

Оригинал-макет подготовлен

В. Н. Гришаевой
(ИФПР СО РАН)

Дизайн обложки
М. А. Абрамовой
(ИФПР СО РАН)

Подписано в печать

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 9,4 Усл. печ. л. 6,4

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Омега Принт»
г. Новосибирск, пр. академика Лаврентьева, 6